
ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-8-57

УДК 821.161.1

«Дар искренней любви...» (Неизданный альбом Н.М. Карамзина)

© 2019, Л.А. Сапченко

Аннотация: Впервые публикуемый здесь альбом был собственноручно составлен Н.М. Карамзиным в 1821 г. ко дню рождения императрицы Елизаветы Алексеевны, с которой его связывала переписка, духовное родство, взаимопонимание. В альбом вошли выписки из трудов европейских мыслителей и писателей, а также русские пословицы.

Этот альбом еще не был опубликован, между тем он представляет значительный интерес для понимания мировоззрения Карамзина в последние годы его жизни. Выписки касаются важнейших для Карамзина и, как он полагал, для человечества, для России, понятий: Провидение, Бог, Добродетель, Дружба, Любовь. 52 альбомных разворота содержат тексты, с которыми составитель альбома солидарен.

Наибольшее место принадлежит Руссо, за ним следуют Монтень, Боссюэ, Паскаль, Монтескье, Бюффон, Лафонтен, Ларошфуко, Помпиньян, Николь. Внесенные в альбом их высказывания позволяют воссоздать философскую антропологию Карамзина, проследить динамику его воззрений по сравнению с более изученными периодами. Вечные истины, любовь и дружество, народная мудрость становятся для него высшими ценностями бытия.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, литературный альбом, нравственно-философская литература, русские писатели и императорская фамилия, императрица Елизавета Алексеевна, архивные публикации

Информация об авторе: Любовь Александровна Сапченко, доктор филол. наук, проф., Ульяновский гос. пед. университет. Ульяновск, Россия.

E-mail: ssj-sla@mail.ru

Цитирование: Сапченко Л.А. «Дар искренней любви...» (Неизданный альбом Н.М. Карамзина) // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 8–57. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-8-57

В 1859 г. Н. Лыжиным был опубликован альбом Н.М. Карамзина, собственноручно составленный им в 1811 г. для великой княгини Екатерины Павловны и содержащий высказывания европейских писателей и философов о Боге, государстве, о любви к отечеству, о супружестве, о добродетели, о дружбе и т.д.¹ Публикатор подчеркивал, что без этого альбома невозможна полная характеристика Карамзина как мыслителя². В 1821 г. Карамзин подготовил еще один альбом — для императрицы Елизаветы Алексеевны, с которой его связывала переписка, духовное единение, взаимопонимание. Этот альбом еще не был введен в научный оборот, между тем он представляет интерес для понимания эволюции мировоззрения Карамзина в последние годы его жизни³.

30 сентября 1821 г. Карамзин писал И.И. Дмитриеву: «Судьба странным образом приближила меня в летах преклонных ко Двору необыкновенному и дала мне искреннюю привязанность к тем, чьей милости все ищут, но кого редко любят. Ты не менее моего знаешь двух, но третью я узнал короче: Императрицу Елизавету Алексеевну, женщину редкую. С прошедшей осени я имел счастье беседовать с нею еженедельно, иногда часа по два и более, с глазу на глаз; иногда мы читали вместе; иногда даже спорили, и всегда я выходил из ее кабинета с приятным чувством»⁴.

Карамзин познакомился с Елизаветой Алексеевной в 1817 г., и отношения между ними вскоре приняли характер взаимного доверия и симпатии. Беседы Карамзина и чтение им страниц из «Истории государства Российского» заинтересовали императрицу, которая для практики в русском языке сама читала вслух произведения историка, и «при этом происходил оживленный обмен мыслей»⁵. Императрица доверяла Карамзину свои дневники, которые она вела все время пребывания в России.

В уже цитированном письме к Дмитриеву от 30 сентября 1821 г. Карамзин продолжает о Елизавете Алексеевне: «К ней написал я, может быть, последние стихи в моей жизни, в которых сказал:

¹ Лыжин Н. Альбом Н.М. Карамзина // Летописи русской литературы и древностей. М., 1859. Т. I. Отд. 2. С. 161–192.

² Лыжин Н. Материалы для характеристики Карамзина как практического философа // Летописи русской литературы и древностей. М., 1859. Т. II. Отд. 1. С. 3–12. Об этом альбоме см. также: Сапченко Л.А. Н.М. Карамзин в рус. общественном и литературном сознании середины и второй пол. XIX века. Ульяновск, 2013. С. 91–128.

³ См.: Сапченко Л.А. «"Мир совести и доверенности к Провидению" в альбомах Н.М. Карамзина» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков. Вып. 5. Петрозаводск, 2008. С. 72–83.

⁴ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 316.

⁵ Николай Михайлович, Вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна. СПб., 1909. Т. 3. С. 16.

Здесь все мечта и сон; но будет пробужденье!
Тебя узнал я здесь в прелестном сновиденье:
Узнаю наяву!

В самом деле, чем больше приближаюсь я к концу жизни, тем более она кажется мне сновидением. Я готов проснуться, когда угодно Богу: желаю только уже не иметь мучительных снов до гроба; а мысль о смерти, кажется, не пугает меня⁶.

9 ноября 1824 г. после петербургского наводнения Карамзин писал Елизавете Алексеевне: «К вам привязана душа моя, а душа нетленна. Кажется, что я люблю Вас еще более, нежели прежде; и как Вы равно милостивы ко мне и к жене моей, так мы оба нераздельны в нашем общем нежном к Вам чувстве»⁷.

Со временем его благоговение перед Елизаветой Алексеевной все усиливается. Сострадав ей в связи с кончиной Александра I, он пишет Дмитриеву 1 декабря 1825 г.: «Она кажется мне каким-то лучезарным Ангелом в состоянии неизъяснимом. Сердце рвется к ней»⁸.

В 1821 г. ко дню рождения императрицы Н.М. Карамзин подготовил альбом с различными выписками из европейских мыслителей и писателей, с выдержками из священных текстов.

По словам В.Э. Вацура, альбом, составленный Карамзиным в 1811 г. для великой княгини Екатерины Павловны, «представляет собою совершенно особое жанровое образование, трудно сопоставимое с альбомами XIX в. Это не столько альбом, сколько записная книжка с выписками и собственными стихами ...»⁹. Таков же и альбом 1821 года.

Перед нами собрание чужих текстов, посредством которых происходит передача собственных мыслей¹⁰. Само общение с помощью выписок отмечено уверенностью в возможности взаимопонимания. Акцент в альбомах Карамзина делается на принципиальных философских и нравственных позициях, на содержании таких важнейших для Карамзина и, как он полагал, для человечества, для России, понятий, как: Провидение, Бог, Добродетель, Дружба, Любовь, причем во всем этом ощущается личность составителя.

⁶ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 316.

⁷ *Карамзин Н.М.* Неизданные соч. и переписка. Ч. 1. СПб., 1862. С. 63.

⁸ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 410.

⁹ *Вацуро В.Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750 — 1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г. Л., 1979. С. 6.

¹⁰ См.: *Сапченко Л.А.* Выписки из франц. мыслителей в неопубликованном альбоме Н.М. Карамзина // *La Russie et l'Europe: autres et semblables, actes du colloque organisé par l'Université Paris-Sorbonne — Paris IV, 10–12 mai 2007.* URL: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article116>

Карамзину всегда была свойственна свобода проявлений своего политического и культурного самосознания, в определенном смысле можно сказать, что он пользовался свободой слова (о чем писал Гоголь в главе «Карамзин» «Выбранных мест из переписки с друзьями»). В данном случае, желая «сказать все», Карамзин опирается на своих единомышленников — выдающихся европейских философов, писателей, поэтов, которые в немалой степени определили его собственную позицию.

Наибольшее место занимают сентенции Руссо, за ним следует Монтень, а также те писатели и мыслители, которые упоминаются значительно реже или даже никогда не принимаются во внимание при характеристике религиозных и философских взглядов Карамзина: в первую очередь — Боссюэ, во многом определивший политические убеждения Карамзина в 1810–1820-е годы, затем Паскаль, Монтескье, Бюффон, Лафонтен, Ларошфуко, Помпиньян, Николь. Внесенные в альбом их высказывания, фрагменты их произведений, порой весьма пространные, позволяют воссоздать философскую антропологию Карамзина, проследить динамику его воззрений по сравнению с ранним, более изученным периодом творчества. Пятьдесят два альбомных разворота содержат тексты, с которыми составитель альбома солидарен (доказательство этой солидарности — воспроизведение ряда фрагментов также и в альбоме 1811 года, в письмах, записной книжке). Все это дает возможность не только точнее очертить круг чтения Карамзина, но и поставить конкретные проблемы, которые (за исключением темы «Карамзин и Руссо») никогда специально не рассматривались: Карамзин и Монтень, Карамзин и Боссюэ, Карамзин и Паскаль и т.п.

Выдержки из европейских авторов в альбоме 1821 года распределены Карамзиным по разделам: «Бог» (несомненное существование могущественной воли, которая управляет всем), «Христианская политика» (власть Провидения над судьбами государств и правителей), «Добродетель» (ответственность человека за свои поступки), «Монархическое правление» (необходимость сосредоточения в правителе абсолютного блага, абсолютного добра), «О препятствиях к добродетели на троне» (развращающее влияние двора на добродетельного правителя), «Евангелие» (христианская вера как единственная и совершенная нравственная опора человека), «Дружба» (родство душ как наивысшая ценность в общении между людьми), «Любовь» (сила чувства, преображающего человека и мир), «Бедность человеческая» (суетность ряда человеческих устремлений), «Разные мысли» (парадоксы человеческой психологии), «О жизни и смерти» (преодоление страха смерти верой в Провидение). В конце же помещена подборка русских пословиц (вековая житейская мудрость).

Если альбом 1811 года начинался разделом «Христианская политика», где говорится о власти Провидения, то альбом 1821 года открывает собственное стихотворение составителя, посвященное Елизавете Алексеевне: «Элизе. В день ея рождения 13 генваря». Затем помещен раздел «Бог», представленный пространными выдержками из письма Руссо к маркизу де Бомону: «Я признаю все же волю единственную и высшую, которая управляет всем, и могущество, единственное и высшее, которое исполняет все», и из писем Юлии к Сен-Пре из романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»: «Ужели мы хотим погрузиться в бездонные и безбрежные пучины метафизики и терять в спорах о божественной сущности краткие дни нашей жизни, кои даны нам для того, чтобы прославлять бога. Мы не знаем, какова сущность божия, но знаем, что бог есть, и этого с нас достаточно: сущность его проявляется в его делах, мы чувствуем ее внутри нас. Мы можем сколько угодно спорить о ней, но мы не можем искренне не признавать бога...».

После этих высказываний Карамзин помещает раздел «Христианская политика», где Жак Бенинь Боссюэ (1627–1704), французский писатель, епископ, представлен своими мыслями о том, что «Бог на высочайшем небеси держит правление всех царств; сердца всех в руке его; иногда воздерживает, а иногда попускает он страсти, и чрез то колеблет всем человеческим родом» (разворот 5–6). В «Письмах русского путешественника» Карамзин, говоря о Французской революции, косвенно также цитировал Боссюэ: «Преддим, друзья мои, предадим себя во власть Провидению: Оно конечно имеет Свой план; в Его руке сердца государей — и довольно»¹¹.

Далее следует раздел «Добродетель», целиком составленный из высказываний Руссо. Карамзин приводит мысли Руссо о добродетели, дружбе и любви: добродетель заключается не в том, чтобы следовать своим наклонностям и поступать хорошо в соответствии с ними; она в том, чтобы бороться, побеждать их и делать то, что повелевает нам наш долг. Топос добродетели включает в себя понятия: борьба, победа, сила воли, господство, обуздание страстей, власть, справедливость, честность. Через добродетельные души вечное Провидение устанавливает прямое правление человеческим сообществом, дает силу добру.

Раздел «Добродетель» представлен в основном Руссо: его романами «Эмил» и «Новая Элоиза» (письма Юлии). Некоторые выдержки из этих произведений были помещены также и в рукописном альбоме Н.М. Карамзина, составленном для Великой Княгини Екатерины Павловны, однако раздел в альбоме 1821 года, где, впрочем, значительно

¹¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 227.

сокращены фрагменты о супружестве, имеет скорее не общественную, а личностную направленность.

Важно отметить, что пространные рассуждения о Боге и добродетели в тексте «Новой Элоизы» принадлежат Юлии. Пристрастие Карамзина к строкам, написанным от лица молодой женщины, объясняется тем, что в ее речах слышен голос умудренного летами не мальчика, но мужа, а именно: голос автора. Подобные сентенции в устах юной супруги Вольмара предполагают пережитое глубокое потрясение, ведущее к трудному опыту, чем собственно и определяется сюжет таких произведений, как «Новая Элоиза» Руссо, «Юлия» Карамзина, позже — «Семейное счастье» Л. Толстого. Героиня проходит испытание чувств с тем, чтобы в конце концов возобладала добродетель, не добродетель невинности, а умудренность страданием, духовно уравнивающая юную женщину с ее более зрелым мужем.

В разделе «Монархическое правление» приводятся также высказывания Руссо о монархии и самодержавии. Французский философ считает, что монархическое правление есть правление одного, которому другие обязаны своими возможностями. Наиболее действенное правление есть власть одного. Этот фрагмент, близкий Карамзину, как и некоторые другие, он включил в оба альбома — 1811 и 1821 годов.

Сопоставляя преимущества и недостатки монархической и республиканской форм правления, Карамзин и Руссо вместе приходят к выводу: «найти форму правления, которая поставила бы закон выше человека — это задача не менее неразрешенная, чем квадратура круга; и поэтому надо перейти к другой крайности и поставить вдруг человека выше всякого закона, т.е. установить неограниченное самодержавие: “Я бы желал, чтобы самодержец был Бог”»¹². Другими словами, править миром и человечеством должно Абсолютное Благо, Абсолютное Добро.

Специальный раздел посвящен препятствиям добродетели на троне. Подобранные высказывания подчеркивают трудность правления: правители принуждены бороться с препятствиями, «почти непреодолимыми при помощи одного ума: доброта и щедрость увеличивают требования со стороны лиц, приближенных к государю, низкопоклонство с одной стороны заставляет его презирать людей, с другой вредит ему самому; отсутствие искренности в советниках затрудняет выбор лиц подведомственных, который по необходимости зависит от более или менее случайных обстоятельств. Все это и монарху напоминает, что, если он хочет принести пользу народу, то должен с молитвою обращаться к Богу»¹³.

¹² *Льжжин Н.* Альбом Н.М. Карамзина // *Летописи русской литературы и древностей.* М., 1859. Т. I. Отд. 2. С. 162.

¹³ Там же.

Далее следует раздел под названием «Евангелие», где текст Священного писания предстает как единственная, абсолютная и универсальная нравственная опора человечества. «Признаюсь вам также, что святость Евангелия это такой аргумент, который говорит моему сердцу и против которого мне даже жаль было бы найти какое-нибудь дельное возражение. Посмотрите на книги философов со всею присущею им пышностью; как они ничтожны по сравнению с этою книгою! Возможно ли, чтобы книга столь возвышенная и в то же время столь простая, была произведением человеческим?» (разворот 21).

В альбом составитель выписывает также фрагменты из Руссо о безуспешности представить Бога вне его творений.

От раздумий о Боге и государях в разделе «Дружба» Карамзин переходит к высказываниям об отдельной человеческой личности, взятой в стороне от света, вне общества. В то же время он остается верен своей постоянной теме — теме дружбы. Карамзин выписывает из Монтеня: «Если бы у меня настойчиво требовали ответа, почему я любил моего друга, я чувствую, что не мог бы выразить этого иначе, чем сказав: “Потому, что это был он, и потому, что это был я”» (разворот 28).

В альбоме помещены также многочисленные афоризмы («мысли») Ларошфуко, Монтескье, Паскаля, Николя (1625–1695), известного французского моралиста и богослова, а также строки французского поэта Жан-Жака Помпийяна (1709–1784) о человеке, природе, обществе.

Раздел «Мысли» можно рассматривать как «умственную исповедь» составителя альбома. Реальность противоречива, и потому истинная мысль о ней парадоксальна. Писателя всегда отличала терпимость к иным мнениям и воззрениям, его привлекали парадоксы в чужих устах. Парадокс для Карамзина есть мнимое противоречие.

Представление о существовании универсальной истины сталкивается с ее индивидуально-личностной (лирической) и исторической природой, в результате чего и рождается парадокс. Тетрагоа определяют тогес, но также и человека. Отсюда следует вывод: чтобы познать правду, познать человека, надо сопоставить века и эпохи, познать меняющееся время.

Раздел «Любовь» особенно наглядно демонстрирует изменения, которые происходили в эти годы во взглядах Карамзина. Еще в 1797 г. в письме к И.И. Дмитриеву Карамзин выразил свои «Мысли о любви». Имея в виду Бюффона, он писал: «Один великий писатель сказал, что, кроме физического удовольствия, ничего нет, ни хорошего, ни естественного в любви. Этот великий писатель имел весьма малую душу.

Физическое удовольствие не значит ничего в истинной любви; предмет ее слишком свят, слишком божествен в наших глазах и не может

возбуждать желаний: чувства спокойны, когда сердце взволновано, — а оно всегда в волнении при этой страсти»¹⁴.

В «Вестнике Европы» в 1802 г. Карамзин помещает материал под названием «Бюффон и Руссо», где сопоставляет их мнения о любви: «Оба писали о любви: изображая ее сладость и муку с жаром и трогательною истиною, Руссо восхитил сердца чувствительных; Бюффон оскорбил их, утверждая, что одна физическая любовь хороша и что моральная есть зло»¹⁵.

Однако в альбоме, поднесенном Елизавете Алексеевне, в разделе, озаглавленном «Любовь», Карамзин помещает только один отрывок — из Бюффона. Французский философ и естествоиспытатель определяет здесь любовь как сокровенное желание, как основание и неисчерпаемый источник существования, как душу природы, верховную могущественную силу, которая может все и которой противостоять не может ничто, благодаря которой все движется, все дышит, все обновляется; как божественное пламя, начало бесконечности, луч Провидения, дыхание жизни; как то драгоценное чувство, которое единственно может растопить железные и ледяные сердца, «вороша» внутренний жар; как первопричину всего добра, всех сообществ, непротиворечиво объединенных лишь чарами самой природы, единственный неиссякаемый источник всех удовольствий, всех наслаждений...

Карамзин находит теперь союзника в своем бывшем оппоненте — Бюффоне. И значительно сокращает в альбоме 1821 года число цитат, в которых на первом месте стояли гражданские добродетели и идея долга.

Зато разделы «Христианская политика» и «Монархическое правление» дополняются им фрагментами о всевластии божественной воли над судьбами государств и правителей: *«Бог есть блажен, и един сильный, Царь царствующих и Господь господствующих: блажен в неподвижном покое, видит все переменяющееся, не пременяя самого себя, и непрременным советом производит все перемены; дает и отъемлет силу, переносит ее от одного человека к другому, из дому в дом, из народа в народ, дабы оказать, что они ее токмо заимообразно имеют, а он един, в котором она естественно жительствоет»* (Боссюэ) (разворот 8). А также о взаимоотношениях властителя и закона: «Пусть же не смеют говорить, что суверен не подвластен законам его Государства, потому что положение обратное — это истина международного права, которую льстецы иногда оспаривали, но которую добрые государи всегда почитали как боже-

¹⁴ Пер. с франц. цит. по: Карамзин Н.М. Избр. статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 173.

¹⁵ Карамзин Н.М. Бюффон и Руссо // Вестник Европы. 1802. № 8. С. 340.

ство — покровительницу их государств. Насколько справедливее сказать вместе с Платоном, что для полного благополучия королевства нужно, чтобы подданные повиновались государю, чтобы государь повиновался Закону и чтобы Закон был справедлив и всегда был направлен к общественному благу» (цитата, приведенная в «Рассуждении о происхождении неравенства между людьми» Руссо и противоречащая тому, что было высказано им в письме к Мирабо) (разворот 16).

По сравнению с альбомом 1811 года Карамзин вводит дополнительные разделы: «Евангелие», «Любовь», «Бедность человеческая», «Русские пословицы», что свидетельствует о его выходе на новый уровень человековедения.

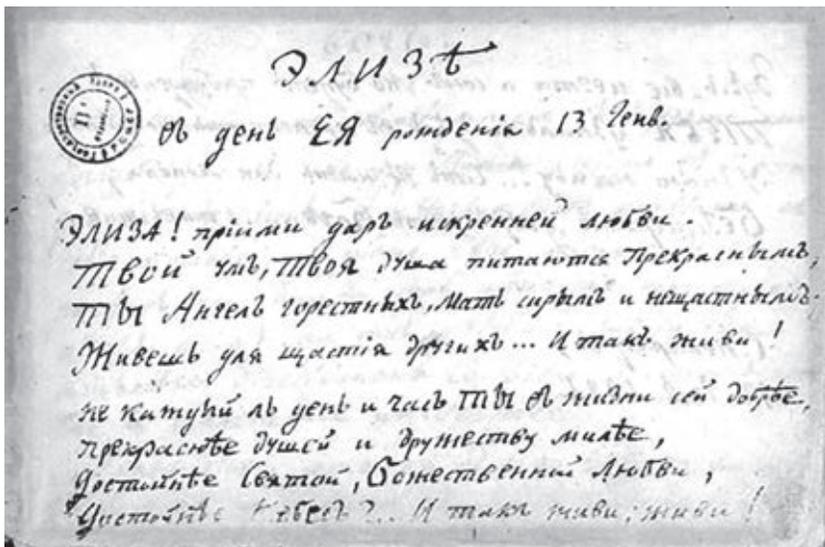
От культа личной и гражданской добродетели как долга (главная идея альбома 1811 года) Карамзин на новом уровне возвращается к мыслям о воле Провидения, о личности правителя, к парадоксам души человеческой, к изгибам человеческой психологии, к поэтизации непосредственного, искреннего чувства, вполне принимая также и выработанную веками народную житейскую мудрость.

В 1820-е гг. не гражданский долг, не политика, не государство Российское в его прошлом и настоящем, а человеческие связи в собственном смысле слова, сочувствие с современниками и потомками, любовь и дружество, родство душ становятся для него высшими ценностями бытия. Затруднившись решить: поставить человека выше закона или закон выше человека, — он сосредоточивается на святости Евангелия и парадоксах человеческого сердца. В надежде на сочувствие и взаимопонимание он составляет дарственный альбом для Елизаветы Алексеевны, по которому мы можем судить о системе ценностей Карамзина в последние годы его жизни.

Текст альбома публикуется по рукописи: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Индекс 567. Благодарим Л.Ф. Семенову за помощь в переводе французских текстов.

Н.М. Карамзин

Альбом, поднесенный императрице
Елизавете Алексеевне
в день ее рождения в 1821 году

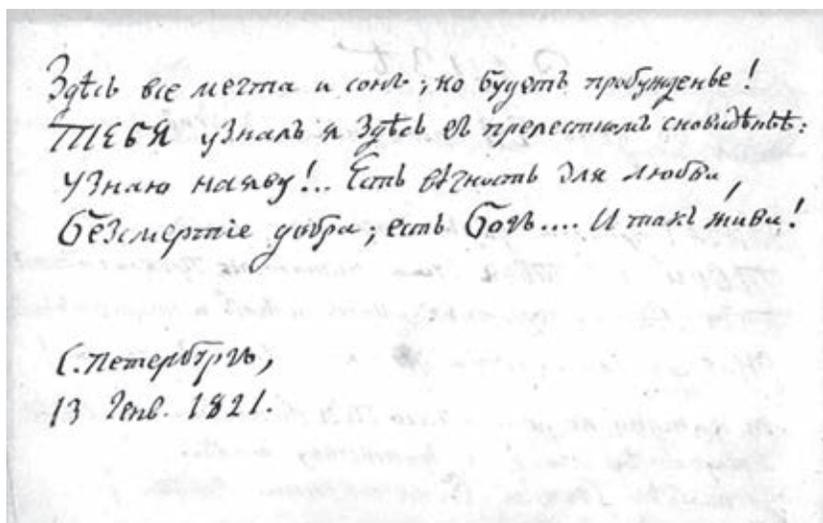

Первый лист альбома (ГАРФ; сайт <http://karamzin.rusarchives.ru>).

Элизе
в день ЕЯ рождения 13 Генв[аря]

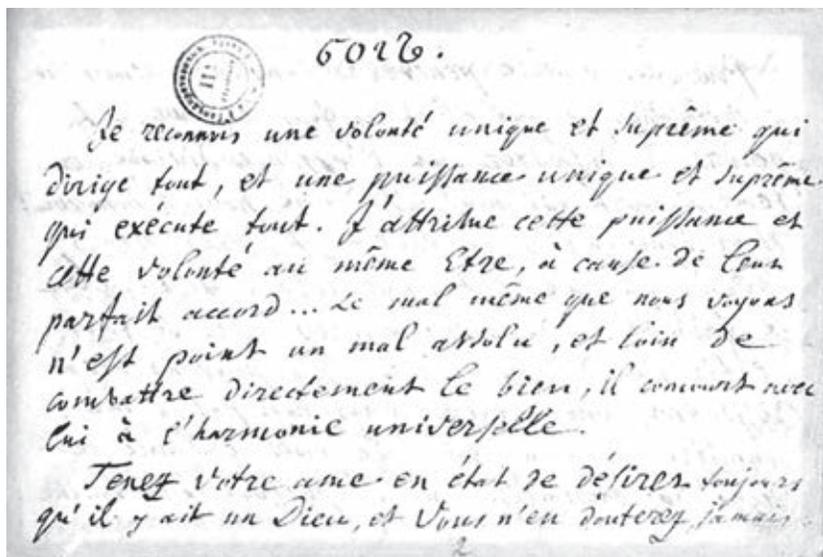
Элиза! прими дар искренней любви.
Твой ум, Твоя душа питаются Прекрасным;
Ты Ангел горестных, Мать сирым и несчастным;
Живешь для щастия других... И так живи!

Не каждый ль день и час Ты в жизни сей добре,
Прекраснее душой и дружеству милее,
Достойнее Святой, Божественной Любви,
Достойнее Небес?.. И так живи, живи!

Здесь все мечта и сон; но будет пробужденье!
 Тебя узнаю я здесь в прелестном сновиденье:
 Узнаю наяву!.. Есть вечность для любви,
 Бессмертие добра; есть Бог... И так живи!

С. Петербург, 13 Янв[аря] 1821

БОГ

Je reconnois donc une volonté unique et suprême qui dirige tout, et une puissance unique et suprême qui exécute tout. J'attribue cette puissance et cette volonté au même Être, à cause de leur parfait accord... Le mal même que nous voyons n'est point un mal absolu, et, loin de combattre directement le bien, il concourt avec lui à l'harmonie universelle¹.

Tenez votre âme en état de désirer toujours qu'il y ait un Dieu, et vous n'en douterez jamais².

Pourquoi vouloir pénétrer dans ces abîmes de la métaphysique qui n'ont ni fond ni rive et perdre à disputer sur l'essence divine ce temps si court qui nous est donné pour l'honorer! Nous ignorons ce qu'elle est, mais nous savons qu'elle est; que cela suffise: elle se fait voir dans ses œuvres elle se fait sentir aux dedans de nous. Nous pouvons bien disputer contre elle, mais non pas la reconnaître de bonne foi. Elle nous a donné ce degrés de sensibilité qui l'aperçoit et la touche. Plaignons celui à qui elle ne l'a point départi³.

De combien de douceurs n'est-il point privé! Quel sentiment peut le consoler dans ses peines? Quel spectateur anime les bonnes actions qu'il fait en secret? Quelle voix peut parler au fond de son âme? Quelle prix peut-il attendre de sa vertu? Comment doit-il envisager la mort?⁴

¹ Я признаю все же волю единственную и высшую, которая управляет всем, и единственную и высшую власть, которая все вершит. Я приписываю это могущество и эту власть одному Существу, по причине их совершенного согласия... Само зло, которое мы видим, не есть абсолютное зло, и, не в силах победить добро, оно содействует ему в установлении всеобщей гармонии. (Руссо Ж.-Ж. Письмо к Кристофу де Бомону. [Rousseau 1763. P. 36]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

² Пусть душа ваша всегда будет в таком состоянии, чтобы она желала существования Бога, — и вы никогда не будете в этом сомневаться. (Руссо Ж.-Ж. Исповедание веры савойского викария. [Руссо 1981. Т. 1. С. 375]. Пер. П.Д. Первова и И.Я. Волевича).

³ Ужели мы хотим погрузиться в бездонные и безбрежные пучины метафизики и терять в спорах о божественной сущности краткие дни нашей жизни, кои даны нам для того, чтобы прославлять Бога? Мы не знаем, какова сущность Божия, но знаем, что Бог есть, и этого с нас достаточно; сущность его проявляется в его делах, мы чувствуем ее внутри нас. Мы можем сколько угодно спорить о ней, но не можем искренне не признавать Бога. Бог даровал нам ту степень чувствительности, благодаря коей мы его постигаем, ощущаем его. Пожалеет же того, кому это не дано. (Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 6. Письмо 8. От г-жи де Вольмар. [Руссо 1961. Т. 2. С. 620]. Пер. Н.И. Немчиновой).

⁴ Ведь сколь многих радостей он лишен! Какое чувство может его утешить в горестях? Кто зрит добрые его дела, кои он творит втайне? Какой голос может говорить в глубине его души? Какой награды может он ждать за свою добродетель? Как должен он смотреть в лицо смерти? (Там же. С. 621).

Imaginez tous vos philosophes anciens et modernes, ayant d'abord épuisé leurs bizarres systèmes de forces, de chances, de fatalité de nécessité, d'atomes, de monde animé, de matière vivante, de matérialisme de toute espèce, et après eux tous, l'illustre Clarke, éclairant le monde, annonçant enfin l'être des êtres et le dispensateur de choses. Avec quelle universelle admiration, avec quel applaudissement unanime n'eut point été reçu ce nouveau système, si grand, si consolant, si sublime, si propre à élever l'âme, à donner une base à la vertu, et en même temps si frappant, si lumineux, si simple, et, il me semble offrant moins de choses incompréhensibles à l'esprit humain, qu'il n'en trouve d'absurdes en tout autre système! (...) Celui-là seul qui explique tout, ne doit-il pas être préféré, quand il n'a pas plus de difficulté que les autres?⁵

À mesure que j'approche en esprit de l'éternelle lumière, son éclat m'éblouit, me trouble... plus je m'efforce de contempler son essence infinie, moins je la conçois; mais elle est, cela me suffit, moins je la conçois, plus je l'adore. Je m'humilie et lui dis: «Être des êtres, je suis, parce que tu es: c'est m'élever à ma source que de te méditer sans cesse. Le plus digne usage de ma raison est de s'anéantir devant toi: c'est mon ravissement d'esprit, c'est le charme de ma foiblesse de me sentir accablé de ta grandeur».

*J.J. R.*⁶

⁵ Представьте себе всех ваших философов, древних и современных, предварительно исчерпав все их странные системы, трактующие о силе, случайности, предопределении, необходимости, атомах, одушевленном мире, живой материи, всякого вида материализме, и после всех них знаменитого Кларка, который освещает мир, возвещая, наконец, о Существо существ и Подателе благ. С каким всеобщим удивлением, с каким единодушным восторгом была бы принята эта новая система, столь великая, столь утешительная и возвышенная, столь способная поднять душу, дать основу добродетели и в то же время поразительная, лучезарная, — простая система, в которой непостижимых для человеческого ума вещей меньше, мне кажется, числа абсурдов, встречаемых во всякой другой системе! [...] Эта единственная система, которая объясняет все, не должна ли быть предпочтена, если непонятого в ней не больше, чем в остальных? (*Руссо Ж.-Ж.* Исповедание веры savoйского викария. [Руссо 1981. Т. 1. С. 318–319]. Пер. П.Д. Первова и И.Я. Волевича).

⁶ По мере того как я мысленно приближаюсь к вечному свету, его блеск ослепляет меня, приводит в смущение... чем больше я напрягаю усилия, чтобы усмотреть Его бесконечную сущность, тем менее я постигаю ее; но она есть, — и этого для меня достаточно; чем менее я ее постигаю, тем более преклоняюсь перед ней. Я смиряюсь, я говорю ему: «Существо из существ! Я существую, потому что существуешь Ты; непрестанно помышлять о Тебе для меня значит возвышаться до моего начала. Самое достойное употребление моего разума — это уничтожаться перед Тобою, чувствовать себя подавленным твоим величием — вот восхищение для моего ума, вот чем очаровательна моя слабость. *Ж.-Ж. Руссо*] (Там же. С. 339–341).

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЛИТИКА

Dieu tient du plus haut des Cieux les rênes de tous les Royaumes: il a tous les coeurs en sa main: tantôt il retient les passions, tantôt il leur lâche la bride et par-là il remue tout le genre humain.

Veut-il faire des conquérans? il fait marcher l'épouvante devant eux, et il inspire à eux et à leurs soldats une hardiesse invincible.

Veut-il faire des législateurs? Il leur envoie son esprit de sagesse et de prévoyance, il leur fait prévenir les maux, qui menacent les Etats, et poser les fondemens de la tranquillité publique.

Il connoit la sagesse humaine toujours courte par quelque endroit: il l'éclaire, il étend ses vues, et puis il abandonne à ses ignorances; il l'aveugle, il la précipite, il la confond par elle-même: elle s'enveloppe, elle s'embarasse dans ses propres subtilités, et ses précautions lui sont un piège.

Dieu exerce par ce moyen ses redoutables jugemens, selon les règles de sa justice, toujours infaillible.

C'est lui qui prépare les effets dans les causes les plus éloignées, et puis frappe ces grands coups, dont le contrecoup porte si loin.

Quand il veut lâcher le dernier et renverser les Empires, tout est faible et irrégulier dans les Conseils.

L'Égypte, autrefois si sage, marche enivrée, étourdie et chancelante, par ce que le Seigneur a répandu l'esprit de vertige dans ses Conseils; elle ne sait plus ce, qu'elle fait: elle est perdue.

Mais que les hommes ne s'y trompent pas: Dieu redresse, quand il lui plait, le sens égaré, et celui, qui insultoit à l'aveuglement des autres, tombe lui même dans ses ténèbres plus épaisses, sans qu'il faille souvent autre chose pour lui renverser le sens, que ses longues prospérités.....

C'est ainsi que Dieu règne sur tous les peuples. Ne parlons plus de hasard, ni de fortune, ou parlons-en seulement comme d'un nom dont nous couvrons notre ignorance: ce qui est hasard à l'égard de nos conseils incertains, est un dessein concerté dans un conseil plus haut, c'est-à-dire dans ce conseil éternel qui referme toutes les causes et tous les effets dans un même ordre⁷.

⁷ Бог на высочайшем небеси держит правление всех царств; сердца всех в руке его; иногда воздерживает, а иногда попускает он страсти, и чрез то колеблет всем человеческим родом. / Естьли хочет он произвесть завоевателей: то пустит ужас перед ними, и вложит в них в их воинов непобедимую отвагу. / Естьли ж хочет он произвесть законодавцов: то пошлет им свой дух премудрости и прозорливости; даст им силу предупреждать беды грозящая государством, и ставить основания тишины всеобщей. / Он знает, что мудрость человеческая чем-нибудь всегда недостаточна; он ее просвещает, распространяет ея намерения, а потом оставляет ее в ея невежестве, ослепляет ее, и низвергает; приводит ее в замешательство от самой

De cette sorte tout concourt à la même fin, et c'est faute d'entendre le tout, que nous trouvons du hasard ou de l'irrégularité dans les rencontres particulières.

Par-là je vérifie ce que dit l'Apôtre que "Dieu est hasard et le seul puissant, roi des rois, et seigneur des seigneurs". Hasard dont le repos est inaltérable, qui voit tout changer sans changer lui-même, et qui fait tous les changemens par un conseil immuable; qui donne et qui ôte la puissance; qui la transporte d'un homme à un autre, d'une nation à une autre, pour montrer qu'ils ne l'ont tous que par emprunt et le seul en qui elle réside naturellement⁸.

C'est pourquoi tous ceux, qui gouvernent, se sentent assujettis à une force majeure.

Ils font plus ou moins, qu'ils ne pensent, et leurs conseils n'ont jamais manqué d'avoir des effets imprévus.

Ni ils sont maîtres des dispositions, que les siècles passés ont mises dans les affaires, ni ils ne peuvent prévoir le cours, que prendra l'avenir, loin qu'ils le puissent forcer.

Celui-là seul tient tout en sa main, qui sait le nom de ce, qui est et de ce qui n'est pas encore; qui préside à tous les tems et prévient tous les conseils.

*Bossuet*⁹

себя: она ж запутывается, и в смятение приходит от собственных своих тонкостей; и предосторожности ея в сеть ей обращаются. / Бог производит сим способом страшные суды свои, по правилам своего всегда истинного правосудия. / Он приготавливает действия в самых дальних причинах; и сражает великими ударами, которые надолго чувствительны. / Когда он похочет пустить удар последний и опровергнуть империи: то все будет слабо и непорядочно в советах. / Египет наперед сего толь мудрый, идет пьян, безумен и дряхл от того, что Господь излил дух кружения в его советы; он не знает уже и сам, что делает, и погибает. / Но да не обманутся в том люди: Бог исправляет, когда ему угодно, заблудившиеся чувства: ибо кто поругался ослеплению другого, сам впадает в густейший мрак, так что часто опровержения чувств его не иное как долговременное его благоденствие причиною бывает. / Что удачею называем в рассуждении не основательных наших советов, оное есть предпринятое намерение в вышнем совете то есть, в сем вечном совете, которой замыкает все причины и действия в одном порядке. (*Боссюэ* Ж.Б. Разговор о всеобщей истории. [Боссюэ 1761–1762. Ч. 3. С. 83–84]. Пер. Василия Наумова).

⁸ И так все стекается к одному концу. Но мы за недостатком разумения, все вообще полагаем на удачу, или непорядок в особенных случаях. / Чрез то уверяется речь Апостольская, что Бог есть блажен, и един сильный, Царь царствующих и Господь господствующих: блажен в неподвижном покое, видит все переменяющееся, не премежая самого себя, и непрременным советом производит все перемены; дает и отъемлет силу, переносит ея от одного человека к другому, из дому в дом, из народа в народ, дабы оказать, что они ея токмо заимообразно имеют, а он един, в котором она естественно жительствоует. (Там же. Ч. 3. С. 83).

⁹ Поэтому все те, кто правит, чувствуют себя подчиненными высшей силе. Они действуют, не особенно задумываясь, и их советы всегда неожиданны. Они не хозяева положений, которые прошедшие века внесли в дела, они не умеют предвидеть

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Il n'y a point de vertu à suivre ses penchans et à se donner, quand ils nous y portent, le plaisir de bien faire; mais elle consiste à les vaincre, quand le devoir le commande, pour faire ce, qu'il nous prescrit¹⁰.

Il n'y a point de vertu sans combat. Le mot de vertu vient de force; la force est la base de toute vertu. La vertu n'appartient qu'à un être faible par sa nature et fort par sa volonté: c'est en cela que consiste le mérite de l'homme juste; et quoique nous appellons Dieu bon, nous ne l'appellons pas vertu, parce qu'il n'a pas besoin d'efforts pour bien faire.

Celui, qui n'est que bon, ne demeure tel qu'autant, qu'il a du plaisir à l'être: la bonté se brise et périt sous le choc des passions humaines; l'homme qui n'est que bon, n'est bon que pour lui.

Qu'est-ce donc que l'homme vertueux?

C'est celui, qui sait vaincre ses affections; car alors il sait sa raison, sa conscience, il sait son devoir, il se tient dans l'ordre et rien ne l'en peut écarter¹¹

Il n'est pas si facile, qu'on pense, de renoncer à la vertu.

Elle tourmente longtems ceux, qui l'abandonnent; et ses charmes, qui font les délices des âmes pures, sont le premier supplice du méchant, qui les aime encore et n'en sauroit plus jouir¹².

направление, которое примет будущее, а тем более не умеют его преодолеть. Только он держит все в своих руках, знает имя тому, чего еще нет, только он управляет всеми временами и упреждает все указания. *Боссюэ (Боссюэ Ж.Б. Разговор о всеобщей истории. Пер. Л.Ф. Семенович). — У В. Наумова: «Таким образом Бог царствует над всеми народами. Не будем более говорить ни о удаче, ни о шастии, или будем только сими именами прикрывать наше незнание» [Боссюэ 1761–1762 . Ч. 3. С. 84].*

¹⁰ Добродетель не в том, чтобы следовать своей склонности и доставлять себе, когда захочется, удовольствие доброго дела, а в том, чтобы побеждать свою склонность, когда этого требует долг, и делать, что он предписывает. (*Руссо Ж.-Ж. Прогулки одинокого мечтателя. Прогулка шестая. [Руссо 1961. Т. 3. С. 622]. Пер. Д.А. Горбова).*

¹¹ Нет счастья без мужества, нет добродетели без борьбы. Добродетель называют доблестью: доблесть есть основание всякой добродетели. Добродетель свойственна существу слабому по своей природе и сильному по своей воле: в этом одном и состоит заслуга справедливого [праведного] человека; и хотя Бога мы называем добрым, но мы не называем Его добродетельным, потому что Ему не нужно никаких усилий для того, чтобы делать добро. / Но кто добр только, тот остается таким лишь до тех пор, пока находит в этом удовольствие: доброта сокрушается и гибнет при столкновении с людскими страстями; кто только добр, тот добр лишь только для себя. / Что же такое человек добродетельный? / Это тот, кто умеет побеждать свои привязанности; ибо в этом случае он следует разуму, совести своей, исполняет долг свой, держит себя в порядке, — и ничто не может сбить его с пути. (*Руссо Ж.-Ж. Исповедание веры савойского викария. [Руссо 1981. Т. 1. С. 546–547]. Пер. П.Д. Первова и И.Я. Волевича).*

¹² Не так легко, как полагают, отвергнуть добродетель. Долго еще она терзает тех, кто ее покинул, и ее чары, отрада чистых душ, служат первейшим источником

Si la vie est courte pour le plaisir, qu'elle est longue pour la vertu!

Il faut être incessamment sur ses gardes. L'instant de jouir passe et ne revient plus: celui de mal faire passe, et revient sans cesse: on s'oublie un moment et l'on est perdu¹³.

Tel est l'effet assuré des sacrifices, qu'on fait à la vertu, s'ils coûtent souvent à faire, il est toujours doux de les avoir faits, et l'on n'a jamais vu personne se repentir d'une bonne action¹⁴.

La vertu est un état de guerre et, pour y vivre, on a toujours quelque combat à rendre contre soi.

Occupons-nous moins des dangers que de nous, afin de tenir notre âme prête à tout événement.

Si chercher les occasions, c'est mériter d'y succomber, les fuir avec trop de soin, c'est souvent nous refuser à de grands devoirs; et il n'est pas bon de songer sans cesse aux tentations, même pour les éviter¹⁵.

Les plus sublimes vertus sont négatives: elles sont aussi les plus difficiles, parce qu'elles sont sans ostentation et au-dessus même de ce plaisir, si doux au cœur de l'homme, d'en renvoyer un autre content de nous. O quel bien fait nécessairement à ses semblables celui d'entre eux, — s'il en est un, — qui ne leur fait jamais de mal! De quelle intrépidité d'âme, de quelle vigueur de caractère il a besoin pour cela! Ce n'est pas en

страданий для грешника, который все еще стремится к ним, но уже никогда не будет ими наслаждаться. (*Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 3. Письмо XVIII. От Юлии. [Руссо 1961. Т. 2. С. 288]. Пер. А.А. Худадовой).

¹³ Жизнь коротка для наслаждений, но как она длинна для подвигов добродетели! / Все время надо держаться настороже, минута блаженства промелькнет и никогда больше не вернется, а угрызения совести за дурной поступок будут терзать всю жизнь. Забудется человек на одну секунду, и все погубило. (Там же. С. 589. Ч. 6. Письмо VI. От г-жи де Вольмар. Пер. Н.И. Немчиновой).

¹⁴ Таковы благие плоды жертв, которые мы приносим добродетели; и если иной раз жертвы обходятся дорого, зато всегда бывает приятно, что ты принес их, и еще никогда не случалось, чтобы человек раскаялся в добром поступке. (Там же. С. 93. Ч. 1. Письмо XLIV. От Юлии. Пер. А.А. Худадовой).

¹⁵ Разве вы не знаете, что добродетель — это состояние войны? Ведь для того чтобы жить в добродетели, надо всегда бороться с собою. Будем же меньше думать об опасностях, чем о нас самих, дабы душа наша была готова достойно встретить любое испытание. / Кто ищет соблазнов, — конечно, может пасть и заслуживает такой участи, но кто слишком осторожен и убегает от соблазнов, тот нередко уклоняется из-за этого от выполнения долга; поему не стоит непрестанно думать об искушениях даже для того, чтобы их избежать. (Там же. С. 604. Ч. 6. Письмо VII. От г-жи де Вольмар. Пер. Н.И. Немчиновой)].

raisonnant sur cette matière, c'est en tâchant de la pratiquer, qu'on sent, combien il est grand et pénible d'y réussir¹⁶.

Quand une fois on a perdu le gout des plaisirs de l'âme, qu'il est difficile de le reprendre! Qu'il est difficile encore de le prendre, quand on ne l'a jamais eu! S'il existoit un homme assez misérable pour n'avoir rien fait en toute sa vie, dont le souvenir le rendît content de lui même et bien aise d'avoir vécu, cet homme seroit incapable de jamais se connoître; et faute de sentir, quelle bonté convient à sa nature, il resteroit méchant par force et seroit éternellement malheureux. Mais croyez-vous, qu'il y ait sur la terre entière un seul homme, assez dépravé, pour n'avoir jamais livré son coeur à la tentation de bien faire? Cette tentation est si naturelle et si douce, qu'il est impossible de lui résister toujours et le souvenir du plaisir, qu'elle a produit une fois, suffit pour la rappeler sans cesse. Malheureusement elle est d'abord pénible à satisfaire; on a mille raisons pour se refuser au penchant de son coeur; la fausse prudence le resserre dans les bornes du moi humain; il faut mille efforts de courage pour oser les franchir. Se plaire à bien faire est le prix d'avoir bien fait, et ce prix ne s'obtient qu'après l'avoir mérité. Rien n'est plus aimable que la vertu, mais il en faut jouir pour la trouver telle. Quand on la veut embrasser, semblable au Protée de la fable, elle prend d'abord mille formes effrayantes et ne se montre enfin sous la sienne qu'à ceux, qui n'ont point lâché la prise.

*J.J.R.*¹⁷

¹⁶ Самые высокие добродетели суть добродетели отрицательные; они вместе с тем и самые трудные, потому что чужды тщеславия и стоят выше даже того, столь сладостного для человеческого сердца удовольствия, чтобы другого отпустить от себя довольным. О, какое благо непременно делает своим ближним тот (если есть такой человек), кто никогда не делает им зла! Какая отвага духа, какая мощь характера нужна для этого! Не рассуждениями об этом правиле, но только пытаюсь приложить его к делу, можно убедиться, как важно и трудно иметь в этом успех. (*Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании.* [Руссо 1981. Т. 1. С. 110]. Пер. П.Д. Первова и И.Я. Волевича).

¹⁷ О, как трудно, раз я потерял вкус к душевным удовольствиям, снова приобрести его! Насколько труднее еще получить его, если никогда не имел! Если бы существовал человек настолько жалкий, что во всю жизнь свою ничего не совершал бы такого, воспоминание о чем делало бы его довольным самими собою и тем, что жил, такой человек был бы неспособен когда-либо познать себя; в не сознавая, насколько доброта соответственна его природе, он насильно оставался бы злым и был бы вечно несчастным. Но неужели вы думаете, что есть в целом мире хоть один человек, настолько испорченный, что сердце его никогда не поддавалось искушению делать добро? Это искушение столь естественно и столь сладко, что невозможно противостоять ему всегда; а вспоминать об удовольствии, которое оно доставило хоть раз, достаточно для того, чтобы вспоминать о нем непрерывно. К несчастью, искушение это на первых порах трудно удовлетворить; всегда имеешь множество оснований, чтобы противиться склонности своего сердца; ложная мудрость ограничивает его пределами человеческого я; нужна тысяча мужественных усилий, чтобы осмелиться перешагнуть эти пределы. Находить наслаждение

МОНАРХИЧЕСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

La gouvernement monarchique est celui d'un magistrat unique, dont les autres tiennent leurs pouvoirs. Le plus actif d'un gouvernement est celui d'un seul.

Tout au contraire des autres formes de gouvernement, où un être collectif représente un individu, dans celle-ci un individu représente un être collectif, en sorte que l'unité morale, qui constitue le souverain, est en même temps une unité physique, dans laquelle toutes les facultés, que la loi réunit dans l'autre avec tant d'efforts se trouvent naturellement réunies.

Ainsi la volonté du peuple et la volonté du Prince, et la force publique de l'état et la force particulière du Gouvernement, tout répond au même mobile; tous les ressorts de la machine sont dans la même main; tout marche au même but; il n'y point de mouvemens opposés, qui s'entredétruisent et l'on ne peut imaginer aucune sorte de constitution, dans laquelle un moindre effort produise une action plus considérable. Archimède, assis tranquillement sur la rivage et tirant sans peine à flot un grand vaisseau, me représente un monarque habile, gouvernant de son cabinet ses vastes états, et faisant tout, en paroissant immobile.

Un défaut essentiel du gouvernement monarchique est, que le mérite n'y parvient pas aussi facilement que dans le gouvernement républicain. Dans celui-ci la voix publique n'élève presque jamais aux premières places que des hommes éclairés et capables.

Le peuple se trompe bien moins dans ses choix que le prince, et un homme d'un vrai mérite est presque aussi rare dans le ministère, qu'on soit à la tête d'un Gouvernement républicain. Aussi, quand par quelque heureux hazard, un de ces hommes, nés pour gouverner, prend le timon des affaires, dans une monarchie presque abîmée par ces hommes médiocres, on est tout surpris des ressources qu'il trouve, et cela fait époque dans un pays¹⁸.

в делании добра — это награда за сделанное добро, а награду эту получают лишь после заслуги. Нет ничего милее добродетели; но чтобы найти ее таковою, нужно вкусить ее. Когда хотят обнять ее, подобно сказочному Протею, она принимает сначала тысячу ужасающих форм и, наконец, показывается в своем собственном виде лишь тем, кто не выпустил из рук добычи. *Ж.-Ж. Руссо*] (Там же. С. 347–348).

¹⁸ [Монархическое правление есть правление одного, которому другие обязаны своими возможностями. Наиболее действенное правление есть власть одного. — *Прембула Карамзина к выписке из Ж.-Ж. Руссо.*]

Совершенной противоположностью другим видам управления, при которых собирательное существо представляет индивидууму, является данный вид, при котором индивидуум представляет собирательное существо, так что то духовное единство, что образует государя, здесь является одновременно и физической

La souveraineté n'étoit, à proprement parler, que l'exercice de la volonté générale ou du bien public, le souverain ne peut pas sans contradiction se regarder, comme au-dessus des loix. Voici un passage d'un écrit célèbre, publié en 1667; au nom et par les ordres de Louis XIV:

“Qu'on ne dise pas que le souverain ne soit point sujet aux lois de son état, puisque la proposition contraire est une vérité du droit des gens que la flatterie a quelque fois attaquée, mais que les bons Princes ont toujours défendue comme une divinité tutélaire de leurs états. Combien est-il plus légitime de dire avec le sage Platon, que la parfaite félicité d'un royaume est qu'un Prince obéisse à la loi, et que la loi soit droite, et toujours dirigé au bien public!”¹⁹

единицей, в которой все способности, соединяемые Законом с такими усилиями при другом Правлении, оказываются объединенными сами собою. / Так воля народа и воля государя, и публичная сила Государства, и отдельная сила Правительства — все поднимается одной и той же движущей силой; рычаги машины находятся в одних и тех же руках; все движется к одной и той же цели. Нет никаких направленных в противоположные стороны движений, которые уничтожались бы; и нельзя меньшее усилие производило бы большее действие. Архимед, спокойно сидящий на берегу и без труда спускающий на воду большой корабль, напоминает мне искусного монарха, который из кабинета управляет своими обширными Провинциями, приводит все в движение, а сам выглядит при этом неподвижным. [...] Существенный и неизбежный недостаток, который при всех условиях ставит монархическое Правление ниже республиканского, состоит в том, что при втором из них голос народа почти всегда выдвигает на первые места только людей просвещенных и способных, которые занимают их с честью; тогда как те, кто достигает успеха в монархиях, это чаще всего мелкие смутьяны, ничтожные плуты, мелочные интриганы, чьи жалкие талантики позволяют им достичь при дворе высоких должностей, но лишь для того, чтобы, едва их достигнув, обнаружить перед народом полную свою неспособность. Народ гораздо реже ошибается в выборе такого рода, чем государь, и человек, истинно достойный, оказывается на посту министра при монархии почти столь же редко, как глупец на посту главы Правительства при республике. Поэтому, если, по некой счастливой случайности, один из этих людей, рожденных, чтобы править, берется за кормило управления в монархии, которую уже почти привела на край пропасти кучка столь славных правителей, то всех поражает, как он мог найти выход из этого положения — и это составляет эпоху в жизни страны. (Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Кн. III. Гл VI: О монархии. [Руссо 1969. С. 203, 205]. Пер. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова)

¹⁹ Верховная власть есть, в сущности, выражение общей воли или общественного блага, монарх не может без противоречия считать себя выше закона. Вот отрывок из следующего известного сочинения, обнаруженного в 1667 году от имени и по приказанию Людовика XIV: «Пусть же не смеют говорить, что суверен не подвластен законам его Государства, потому что положение обратное — это истина международного права, которую льстецы иногда оспаривали, но которую добрые государи всегда почитали как божество — покровительницу их госудаств. Насколько справедливее сказать вместе с Платоном, что для полного благополучия королевства нужно, чтобы подданные повиновались государю, чтобы государь повиновался Закону и чтобы Закон был справедлив и всегда был направлен к общественному благу» (Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. [Руссо 1969. С. 88]. Пер. А.Д. Хаютина). Начало отрывка у Карамзина изменено.

A ne considérer que l'institution humaine, si le prime ou le magistrat, qui a tout le pouvoir en main, avoit le droit de renoncer à l'autorité, à plus forte raison le peuple, qui paye toutes les fautes de ses chefs, devoit avoir le droit de reconcer à la dépendance; mais les dissensions affreuses, les désordres infinis qu'entraîneroit nécessairement ce dangereux pouvoir, montrent, plus que toute autre chose, combien les Gouvernements humains avoient besoin d'une base plus solide que la raison, et combien il étoit nécessaire au repos public que la volonté divine intervînt pour donner à l'autorité souveraine un caractère sacré et inviolable qui ôtât aux sujets le funèbre droit d'en disposer. Quand la religion n'auroit fait que ce bien aux hommes, on seroit assez pour qu'ils dussent la chérir et l'adopter, même avec ses abus puisqu'elle épargne encore plus de sang, que le fanatisme l'en fait couler²⁰.

Voici, dans mes vieilles idées, le grand problème en Politique, que je compare à celui de la quadrature du cercle en Géometrie et à celui des longitudes en Astronomie. *Trouver une forme de gouvernement, qui mette la loi au-dessus de l'homme*. Si malheureusement cette forme n'est pas trouvable, — et j'avoue ingénument que je crois, qu'elle ne l'est pas, — mon avis est qu'il faut passer à l'autre extrémité et mettre tout d'un coup l'homme autant au-dessus la loi qu'il peut l'être, par conséquent, établir le Despotisme arbitraire qu'il est possible: je voudrois, que le Despote pût être Dieu.

En un mot je ne vois point de milieu supportable entre la plus austère Démocratie et le Hobbisme le plus parfait, car le conflit des hommes et des lois, qui met dans l'état une guerre intestine continuelle, est le pire de tous les états politiques.

²⁰ К тому же, — если рассматривать, как мы это и делаем, лишь то, что установлено людьми, — если магистрат, держащий в своих руках всю полноту власти и присваивающий себе все выгоды договора, имеет все же право отказаться от власти, то народ, который расплачивается за все ошибки правителей, тем более должен иметь право отказаться от зависимости. Но ужасные раздоры и бесконечные неурядицы, которые неизбежно повлекла бы за собою эта опасная возможность, лучше, чем что-либо иное, показывают, насколько Правительства, людьми установленные, нуждаются в основе более прочной, чем один только разум, и насколько необходимо было для мира в обществе, чтобы божественная воля вмешалась, дабы придать верховной власти характер священный и неприкосновенный, что отняло у подданных пагубное право ею распоряжаться. Если бы религия принесла людям лишь только это благо, то и этого было бы достаточно, чтобы люди должны были дорожить ею и принять ее, даже с присущими ей злоупотреблениями, так как она сберегает больше крови, чем фанатизм заставляет ее проливать» (Там же. С. 91).

Mais les Caligula, les Néron, les Tibère! Mon Dieu!.. Je me roule par terre, et je gémis d' être homme.

J.J.R.²¹

О ПРЕПЯТСТВИЯХ ДОБРОДЕТЕЛИ НА ТРОНЕ

Le premier devoir de l'homme est d'étudier ses devoirs, et cette connoissance est facile à acquérir dans les conditions privées. La voix de la raison et le cri de la conscience s'y font entendre sans obstacle; et si le tumulte des passions nous empêche quelquefois d'écouter ces conseillers importants, la crainte des lois nous rend justes, notre impuissance nous rend modérés; en un mot, tout ce que nous environne, nous avertit de nos fautes, les prévient, nous en corrige, ou nous en punit²².

Les Princes n'ont pas sur ce point les mêmes avantages. Leurs devoirs sont beaucoup plus grands et les moyens de s'en instruire beaucoup plus difficiles. Malheureusement dans leur élévation, tout semble concourir à écarter la lumière de leurs yeux et la vertu de leurs coeurs. Le vil et dangereux cortège des flatteurs les assiège de leur plus tendre jeunesse, leur faux amis, intéressés à nourrir leur ignorance, mettent tout leur soin à les empêcher de rien voir par leurs yeux.

Des passions que rien ne contrairt, un orgueil que rien ne mortifie, leur inspirent les plus monstrueux préjugés, et les jettent dans un aveuglement funeste que tout ce qui les approche ne fait qu'augmenter: car, pour être

²¹ Вот, среди моих старых идей, великая проблема политики, которую я сравниваю с проблемой квадратуры круга и с проблемой долгот в астрономии: найти форму правления, которая поставила бы закон выше человека. Если же она, к несчастью, не находима, я признаю простодушно, что она не существует, и потому — мое мнение таково — надо перейти к другой крайности и разом поставить человека настолько выше всякого закона, насколько это может быть, следовательно, установить самое неограниченное самодержавие: я бы желал, чтобы самодержец был Бог. / Одним словом, я не вижу середины между самой суровой демократией и совершеннейшим гоббизмом, потому что конфликт человека и закона, который повергает в состояние междоусобной войны, является наихудшим из всех политических состояний. / Но Калигулы, но Нероны, но Тиберию! Я катаюсь по земле и стыжусь за человечество (Руссо Ж.-Ж. Письмо к маркизу Мирабо от 26 июня 1767. [Rousseau 1824. P. 314–315]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

²² Первый долг человека — изучать свои обязанности, и это легко сделать в частных условиях. Голос разума и крик совести слышатся беспрепятственно, и если нагромождение страстей мешает нам иногда услышать этих важнейших советчиков, страх перед законом делает нас справедливыми, наше бессилие делает нас умеренными. Одним словом, все, что нас окружает, предупреждает нас о предотвращении наших ошибок, исправляет или наказывает нас. (Rousseau J.J. Oraison funèbre S.A.S. Monseigneur le Duc D'Orléans Premier Prince du Sang de France (février 1752). [Rousseau 1839. P. 519]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

puissant sur eux, on n'épargne rien pour le rendre foible, et la vertu du maitre sera toujours l'effroi des courtisans.

C'est ainsi que les fautes des Princes viennent de leur aveuglement plus souvent encore que de leur mauvaise volonté, ce qui ne rend pas ces fautes moins criminelles, et ne le rend que plus irréparables.

*J.J. R.*²³

ЕВАНГЕЛИЕ

La science s'étend et la foi s'anéantit. Tout le monde vient enseigner à bien faire, et personne ne veut l'apprendre; nous sommes tous devenus docteurs, et nous avons cessé d'être chrétiens.

Non, ce n'est point avec tant d'art et d'appareil que l'Évangile. C'est étendu pas tout l'univers, et que la beauté ravissante a pénétré les coeurs; le divin, le seul nécessaire à un chrétien, et lui plus utile à quiconque même ne le seroit pas, n'a besoin que d'être médité pour porter dans l'âme l'amour de son auteur, et la volonté d'accomplir des precepts, jamais la vertu n'a parlé un si doux langage; jamais la plus profonde sagesse ne s'est, exprimée avec tant d'énergie et de simplicité. On ne quitte point la lecture sans se sentir meilleur qu'auparavant²⁴.

Le Christianisme est dans son principe une religion universelle, qui n'a rien d'exclusif, rien de local, rien de propr à tel pays plutôt qu'à tel

²³ Властители не имеют на эту точку одинаковых мнений, их обязанности гораздо более обширны и возможности образовываться гораздо более трудные. К несчастью, и в их воспитании все делается для того, чтобы удалить свет из их глаз и добродетель из их сердец. Опасный кортеж из лести их сопровождает с нежной юности, их ложные друзья питают их невежество и стараются помешать им смотреть на все собственными глазами. Страсти, которые ничто не сдерживает, гордость, которую ничто не умерщвляет, им внушают самые чудовищные предрассудки и бросают их в такое ослепление, что все, что к ним приближается только их усиливает: потому что, чтобы быть могущественными над ними, ничего не жалеют, чтобы сделать его слабым, и добродетель хозяина будет всегда страхом приближенным. Таким образом, ошибки властителей исходят из их ослепления чаще, чем из их плохой воли, что не делает эти ошибки менее преступными и непоправимыми. *Ж.-Ж. Р[уссо]*(Там же).

²⁴ Наука распространяется, и вера исчезает. Весь мир пытается делать добро, но никому это не удастся. Мы все стали учеными, и мы перестали быть христианами. Это вовсе не искусственно, что Евангелие распространилось во всем мире и что чарующая красота пронзила сердца. Божественная книга, единственно необходимая христианину, и наиболее ему полезная, нуждается в том, чтобы размышлять над ней, чтобы привнести в душу любовь своего автора и волю исполнить заветы. Добродетель никогда не говорила столь мягким языком. Никогда самая глубокая мудрость не выражалась с такой энергией и простотой. Мы покидаем чтение, ощущая себя лучше, чем прежде. (*Rousseau J.J. Réponse au roi de Pologne. Réponse au discours qui a remporté le prix de l'Académie de Dijon, par le roi de Pologne // Collection complète des oeuvres. Genève, 1780–1789. Пер. Л.Ф. Семеновой.*)

autre. Son divine, auteur embrassant également tous les hommes dans la charité sans bornes, est venu lever la barrière qui séparait les nations et réunir tout le genre humain dans un peuple des frères: car en toute nation celui qui le craint et qui s'adonne à la justice, lui est agréable (Act. Apost. C.10. V. 35)²⁵.

Par cette religion sainte et sublime véritable, les hommes, enfans du même Dieu, se ressemblent tous pour frères, et la société qui les unit ne se dissout pas même à la mort²⁶.

Je ne sais pourquoi l'ont veu attribuer aux progrès de la philosophie la belle morale de nos livres. Cette morale, tirée de l'Évangile, étoit chrétienne avant d'être philosophique. Les chrétiens l'enseignent souvent sans la pratiquer, je l'avoue; mais que font de plus les philosophes, si ce n'est de se donner à eux-mêmes beaucoup de louanges?

Les préceptes de Platon sont souvent très sublimes; mais combien n'erre-t-il pas quelquefois, et jusqu'où ne vont pas ses erreurs?

Quant à Cicéron, peut-on croire que sans Platon ce rhéteur eût trouvé ses offices? L'Évangile seul est, quant à la morale, toujours sûr, toujours vrai, toujours unique et toujours semblable lui-même²⁷.

²⁵ Христианство в своем существе есть универсальная религия, которая не имеет ничего исключительного, ничего местного, ничего присущего тому или другому. Его божественный автор, обнимающий равно всех людей в безграничной милости, пришел уничтожить барьер, который разделял нации, и объединить весь человеческий род в братство народов: потому что в любой нации тот, кто его боится и кто отдается на его милость, ему приятен. (Деяния апостолов: 10: 35). (Руссо Ж.-Ж. Письма с горы. Письмо 3. [Руссо 2013. С. 286]. Пер. С.В. Занина и В.В. Некрасова).

²⁶ Согласно этой религии, святой, возвышенной и истинной, люди, чада единого Бога, признают себя все братьями; а общество, которое их объединяет, не распадается даже с их смертью. (Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Кн. IV. Гл. VIII; см.: [Руссо 1969. С. 252]. Пер. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова).

²⁷ Я не знаю, почему хотят приписать к чести философии прекрасную мораль наших книг. Эта мораль, извлеченная из христианского Евангелия, была христианской до того, как стать философской. Христиане часто проповедуют ее, не практикуя ее, я это признаю, но что делают более философы, кроме того, что восхваляют себя? Я не понимаю, почему у людей возникает желание приписать прекрасную мораль из наших книг развитию философии. Эта мораль, почерпнутая из Евангелия, носила христианский характер до того, как стала философской. Христиане наставляют в ней, не проводя ее в жизнь, я с этим согласен; но чем заняты философы, если не тем, что расточают себе похвалы, (которые никто, кроме них, вслед за ними не повторяет, и при этом ничего особенного, по-моему, не доказывают). / Уроки Платона часто носят чрезвычайно возвышенный характер; но сколько раз он заблуждается, и куда заводят его заблуждения! Что касается Цицерона, то можно ли себе представить, чтобы этот напыщенный оратор создал свой трактат «Об обязанностях», не будь Платона? В том, что касается морали, только Евангелие является всегда достоверным, истинным, и всегда верным самому себе. (Руссо Ж.-Ж. Письма с горы. Письмо 3. [Руссо 2013. С. 309]).

Je ne puis m'empêcher de dire qu'une des choses qui me charment dans le caractère de Jésus n'est pas seulement la douceur des moeurs, la simplicité, mais la facilité, la grace et même l'élégance. Il ne voyait ni les plaisirs ni les fêtes, il alloit aux noces il voyait les femmes, il jouait avec les enfans, il aimoit les parfums, il mangeait chez les financiers. Son austérité n'étoit point fâcheuse. Il étoit à la fois indulgent et juste, doux aux foibles et terrible aux méchans. Sa morale avoit quelque chose d'effrayant, de caressant, de tendre; il avoit le coeur sensible, quand il n'eût pas été le plus sage des mortels, il eût été le plus aimable...²⁸

Je vous avoue que la majesté des écritures m'étonne; la sainteté de l'Évangile parle à mon coeur. Voyez les livres des philosophes avec toute leur pompe: qu'ils sont petits près de celui là! Se peut-il qu'un livre, à la fois sublime et si simple, soit l'ouvrage des hommes? Se peut-il que celui dont il fait l'histoire, ne soit qu'un homme lui-même?²⁹

Est-ce là le ton d'un enthousiaste ou d'un ambitieux sectaire? Quelle douceur, quelle pureté dans ses moeurs! Quelle grace touchante dans ses instructions! Quelle élévation dans ses maximes! Quelle profonde sagesse dans ses discours! Quelle présence d'esprit, quelle finesse et quelle justesse dans ses réponses! Quel empire suit ses passions! Où est l'homme, où le sage qui sait agir, souffrir et mourir sans faiblesses, et sans affectation? Quand Platon peint son juste imaginaire couvert de tout l'opprobre du crime et digne de tous les prix de la vertu il peint pour trait Jésus-Christ: la ressemblance est si frappante que tout les pères l'ont sentie et qu'il n'est pas possible de s'y tromper. Quelle préjugés quel aveuglement ne faut-il point avoir pour oser comparer le fils de Sophronisque au fils de Marie! Quelle distance de l'un à l'autre! Socrate mourant sans douleur, sans

²⁸ Я не могу удержаться от того, чтобы не сказать, что одна из вещей, которые меня очаровывают в характере Иисуса, есть не только кротость нрава и простота, но и легкость, грация и даже элегантность. Он не избегал ни удовольствий, ни праздников, он смотрел на женщин, играл с детьми, ходил на свадьбы, ему нравились благоволия, он вкушал пищу у мытарей. Его ученики отнюдь не голодали; его суровость не была невыносимой. Он был снисходителен и справедлив, мягок со слабыми и грозен с негодяями. Его мораль была в чем-то притягательна, ласкова, нежна, у него было чуткое сердце, и он ценил хорошее общество. И если бы он не был самым мудрым из смертных, то оказался бы самым любезным (Там же. С. 335–336).

²⁹ Признаюсь вам также, что святость Евангелия это такой аргумент, который говорит моему сердцу и против которого мне даже жаль было бы найти какое-нибудь дельное возражение. Посмотрите на книги философов со всею присущею им пышностью; как они ничтожны по сравнению с этою книгою! Возможно ли, чтобы книга столь возвышенная и в то же время столь простая, была произведением человеческим? (Руссо Ж.-Ж. Исповедание веры савойского викария. [Руссо 1981. С. 370]).

ignominie, soutient aisément jusqu' au bout son personnage, et si cette facile mort n'eût honoré sa vie, on douterait si Socrate avec tout son esprit, fut autre chose qu'un sophiste. Il invente dit-on la morale: d'autres, avant lui l'ont mise en pratique; il ne dit que dire ce qu'ils aient fait il ne fit que mettre en leçons leurs exemples. Aristide avoit été juste avant que Socrate eût dit ce que c'étoit que justice; Leonidas étoit mort pour son pays avant que Socrate eût fait un devoir d'aimer la patrie; Sparte étoit sobre avant que Socrate eût loué la sobriété; avant qu'il eût défini la vertu... la Grèce abondoit en hommes vertueux. Mais, ou Jésus-Christ avoit-il pris chez les siens cette morale élevée et pure dont lui seul a donné les leçons et l'exemple? Du sein du plus furieux fanatisme la plus haute sagesse se fit entendre, et la simplicité des plus héroïques vertus honore le plus vif de tous les peuples. La mort de Socrate philosophant tranquillement avec les amis, est la plus douce qu'on puisse desirer: celle de Jésus expirant dans les tourmens, injurié, raillé, maudit de tout un peuple, est la plus horrible qu'on puisse craindre, Socrate, prenant la coupe empoisonnée, bénit celui qui la lui présenté et qui pleure: Jésus, au milieu d'un supplice affreux, prie pour ses bourreaux acharnés. Oui, si la vie et la mort de Socrate sont d'un sage, la vie et la mort de Jésus sont d'un Dieu.

Dirons-nous que l'histoire de l'Évangile est inventée à plaisir? Mon ami, ce ne pas ainsi qu'on invente, et les faits de Socrate, dont personne ne doute, sont moins attestés que ceux de Jésus-Christ. Au fond, c'est reculer la difficulté sans la détruire; il seroit plus inconvenable que plusieurs hommes d'accord eussent fabriqué ce livre, qu'il ne l'est qu'un seul en ait fourni le sujet. Jamais des auteurs juifs n'eussent trouvé ni ce ton, ni cette morale, et l'Évangile a des caractères de vérité si grands, si frappans, si parfaitement inimitables, que l'inventeur en seroit plus étonnant que le héros.

*J.J.R.*³⁰

³⁰ Таков ли тон энтузиаста или честолюбивого основателя секты? Какая кротость, какая чистота в Его нравах! Какая трогательная прелесть в его наставлениях! Какая возвышенность в Его правилах! Какая глубокая мудрость в Его беседах! Какое присутствие духа, какая тонкость и правильность в Его ответах! Какое у него господство над страстями! Где человек, где мудрец, который умеет действовать, страдать и умирать без проявления слабости и самохвальства? Когда Платон изображает своего воображаемого праведника, заклеянного всем позором преступления и достойного всех наград добродетели, он черта в чету рисует Иисуса Христа; сходство столь поразительно, что все святые Отцы чувствовали его, да и нельзя на этот счет ошибиться. Какие предрассудки. Какое ослепление нужно иметь, чтобы осмеливаться сравнивать сына Софрониска с сыном Марии! Какая разница между одним и другим! Сократ, умирающий без боли, без позора, легко выдерживает до конца свою роль; и если бы эта легкая смерть не покрыла почетом его жизнь, можно было бы сомневаться, не был ли Сократ, при всем своем уме, не чем иным, как софистом. Он изобрел, говорят, мораль; но другие раньше него применяли ее на практике: он лишь говорил то, что те делали, он лишь извлекал

ДРУЖБА

Je suis convaincu, qu'il n'est pas bon, que l'homme soit seul. Des âmes humaines veulent être accouplées pour valoir tout leur prix; et la force unie des amis, comme celle des lames d'un aimant artificiel, est incomparablement plus grande, que la somme de leurs forces particulières. Divine amitié! C'est ton triomphe!

L'attachement peut se passer de retour, jamais l'amitié! Elle est un échange, un contrat comme les autres, mais elle est le plus saint de tous. Ce n'est qu'en rendant ou feignant de rendre l'amitié, qu'on peut l'obtenir. S'épancher est un besoin pour les âmes sensibles. La communication des coeurs imprime à la tristesse je ne sais quoi de doux et de touchant, que n'a pas le contentement; et l'amitié a été spécialement donnée aux malheureux pour le soulagement de leurs maux et la consolation de leurs peines.

Les épanchements de l'amitié se retiennent devant un témoin, quel qu'il soit. Il y a mille secrets que trois amis doivent savoir et qu'ils ne peuvent se dire que deux à deux...

Que les délices du recueillement en présence de son ami sont connues de peu de gens! La conversation des amis ne tarit jamais, dit-on: il est vrai, la langue fournit un babil facile aux attachements médiocres; mais l'amitié, l'amitié, sentiment vif est céleste! quels discours sont dignes de

уроки из их примеров. Аристид был справедливым прежде, чем Сократ определил, что такое справедливость; Леонид умер за свою страну прежде, чем Сократ из любви к отечеству создал долг; Спарта была воздержанною прежде, чем Сократ воздал должную похвалу воздержанности; прежде чем он дал определение добродетели, Греция изобиловала добродетельными людьми. Но где у своего народа мог Иисус заимствовать эту возвышенную и чистую мораль. уроки и пример которой он один давал? Из среды самого бешеного фанатизма провозглашена была самая возвышенная мудрость, и простодушие самых героических добродетелей почтито презреннейшей из всех народов. Смерть, Сократа, спокойно философствовавшего со своими друзьями, – самая приятная, какую только можно пожелать; смерть же Иисуса, испутившего дух среди мук, поносимого, осмеиваемого и прокливаемого всем народом, – самая ужасная, какой только можно бояться. Сократ, принимая чашу с отравой, благословляет человека, с плачем подающего ее; Иисус среди ужасного мучения, молится за своих остервенелых палачей. Да, если жизнь и смерть Сократа достойны мудреца, то жизнь и смерть Иисуса суть жизнь и смерть Бога. Скажем ли мы после этого, что евангельская история произвольно вымышлена? Друг мой, вымыслы бывают не таковы; а деяния Сократа, в которых никто не сомневается, менее засвидетельствованы, чем деяния Иисуса Христа. В сущности это значило бы переносить в другое место трудность, а не устранять ее, непостижимым было бы еще более предположение, что несколько человек сообща сфабриковали эту книгу, сюжет для которой доставило всего одно лицо. Иудейские писатели никогда не выдумали бы ни этого тона, ни этой морали; а Евангелие включает в себе столь великие, столь поразительные, столь неподражаемые черты истины, что изобретатель был бы еще более удивительным, чем сам герой. *Ж.-Ж. Руссо*] (*Руссо Ж.-Ж.* Исповедание веры савойского vicария. [Руссо 1981. С. 370–371]).

toi? quelle langue ose être ton interprète? Jamais ce qu'on dit à son ami peut-il valoir il qu'on sent à ses côtés? Mon Dieu, qu'une main sacrée, qu'un regard animé; qu'un soupir defend de choses et que-le premier mot qu'on prononce est froid après tout cela!

Que les délices de cet état sont connues de peu de gens ! Je n'ai vu personne en France en avoir la moindre idée. « La conversation des amis ne tarit jamais », disent-ils.

Il est sûr que cet état de contemplation fait un de grands charmes des hommes sensibles. Mais j'ai toujours trouvé que les importuns empêchaient de la goûter, et que les amis ont besoin d'être sans témoin pour pouvoir ne se rien dire qu'à leur aise. On veut être recueilli pour ainsi dire, l'un dans l'autre: les moindres distractions sont désolantes la moindre contrainte est insupportable. Si quelquefois le coeur porte un mot à la bouche, il est si doux de pouvoir le prononcer sans gêne! Il semble que la présence d'un seul étranger rétrienne le sentiment et comprime des âmes qui s'entendraient bien sans le témoin³¹.

³¹ Я убежден, что нехорошо человеку быть одному. Человеческие души хотят соединиться, чтобы открылась вся их ценность; сила, притягивающая друзей друг к другу, словно магнитом, неизмеримо больше, чем сумма их отдельных сил. Божественная дружба! Это твой триумф! / Привязанность может обойтись без взаимности, дружба — никогда. Она есть такой же обмен, такое соглашение, как и другие чувства, но она святейше из всех. Только отвечая на дружбу, или притворяясь, что отвечаешь, можно ее завоевать. / Излияния дружбы — потребность для чувствительных душ. Общение сердец придает дружбе нечто приятное и трогательное, что не имеет утolenя, и дружба была дана несчастным для облегчения их страданий и утешения их горестей. / Излияния дружбы сдерживаются в присутствии свидетеля, кто бы он ни был. Есть тысяча секретов, известных только друзьям, о которых можно говорить лишь наедине друг с другом. / Шесть дней мы потратили на пустые разговоры с безразличными нам людьми, а нынче провели первое утро на английский лад, то есть собрались все трое, но молчали, наслаждаясь удовольствием быть вместе и чувством тихой сосредоточенности. Ах, сколь немногим знакомо это блаженное состояние! Во Франции я не видел никого, кто имел бы об этом хоть слабое представление. Меж друзьями беседа никогда не затихает, говорят они. Конечно, при поверхностной приязни язык вертится легко и болтовня идет сама собой. Но дружба, милорд, дружба! Чувство животворное и небесное, какие речи достойны тебя? Какими словами передать тебя? Разве то, что говоришь своему другу, может выразить, какие чувства ты испытываешь близ него? Сколь много могут сказать пожатие руки, оживленный взор, объятие и вздох, что следует за ним! И каким холодным в сравнении с этим покажется произнесенное слово. / Несомненно, в созерцательном состоянии много прелести для чувствительных душ. Я всегда находил, что докучные болтуны мешают им наслаждаться и что друзьям необходимо побыть одним, без посторонних, иметь возможность говорить меж собой непринужденно. Они жаждут, так сказать, сосредоточиться друг в друге; и как бывает невыносимо, ежели что-либо их от этого отвлекает и делает беседу принужденной! Иной раз с уст сорвется сердечное слово, — и как приятно бывает произнести его без стеснения! Кажется, нельзя и думать свободно, раз не смеешь свободно говорить; кажется, от одного лишь присутствия сникнет чувство и сожмется душа, меж тем как без чужих все так хорошо понимали друг друга! (Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 5. Письмо III. От Сен-Пре к милорду Эдуарду. [Руссо 1961. Т. 2. С. 486]. Пер. Н.И. Немчиновой).

C'est la foiblesse de l'homme qui le rend sociable: ce sont nos misères communes qui portent nos coeurs à l'humanité: nous ne lui devrions rien, si nous n'étions pas hommes. Tout attachement est un signe d'insuffisance: si chacun de nous n'avoit nul besoin des autres, il ne songerait guère à s'unir à eux. Ainsi de notre infirmité même naît notre frêle bonheur.

Un être vraiment heureux est un être solitaire: Dieu seul jouit d'un bonheur absolu; mais qui de nous en a l'idée? Si quelque être imparfait pouvoit se suffire à lui-même, de quoi jouiroit il selon nous? Il seroit seul, il seroit misérable. Je ne conçois pas, que celui, qui n'a besoin de rien, puisse aimer quelque chose; je ne conçois pas que celui, qui n'aime rien, puisse être heureux³².

L'heureux ne sait pas s'il est aimé, dit un poète latin, et moi j'ajoute: l'heureux ne sait pas aimer!

*J.J.R.*³³

Si on me presse de dire, pourquoi j'aimois mon ami, je sens que cela ne se peut exprimer qu'en répondant: parce que c'est lui, parce que c'est moi. Il y avoit je ne sais quelle force inexplicable et fatale, médiatrice de cette union. Nous nous cherchions avant que de nous être vus, se croiser par quelque ordonnance du Ciel. Nous nous embrassions, par nos noms, et à notre première rencontre nous nous trouvâmes, si pris, si connus, si obligés entre nous, que rien dès lors ne nous fut si proche que l'une à l'autre.

*Montaigne*³⁴

³² Слабость человека делает его общительным. Общие наши бедствия — вот что влечет наши сердца к обществу; мы ничем не были бы ему обязаны, если бы не были людьми. Всякая привязанность есть признак несостоятельности; если бы каждый из нас не имел нужды в других, он не подумал бы с ними объединяться. Так из нашей немощи рождается наше зыбкое счастье. / Истинно счастливое существо есть существо одинокое. Только Бог наслаждается абсолютным счастьем: но кто из нас имеет о нем понятие? Если бы какое-нибудь несовершенное существо могло довольствоваться только собою, чем оно, с нашей точки зрения, стало наслаждаться? Оно было бы одиноким, несчастным. Я не понимаю, как тот, кто ни в ком не имеет нужды, может любить что-нибудь: я не понимаю, как тот, кто ничего не любит, может быть счастливым» (пер. с франц.) (*Руссо Ж.-Ж. Эмиль*; см.: [Руссо 1981. С. 258]).

³³ Счастливый не знает, любим ли он, говорит латинский поэт, я же добавлю — счастливый не умеет любить. *Ж.-Ж. Руссо*]. (*Руссо Ж.-Ж. Письмо к Г-же де *** 27 марта 1763 г.* [Rousseau 1822. P. 309]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

³⁴ Если бы у меня настойчиво требовали ответа, почему я любил моего друга, я чувствую, что не мог бы выразить этого иначе, чем сказав: «Потому, что это был он, и потому, что это был я». Где-то за пределами доступного моему уму и того, что я мог бы высказать по этому поводу, существует какая-то необъяснимая и неотвратимая сила, устроившая этот союз между нами. Мы искали друг друга прежде, чем свиделись [...] Самые имена наши сливались в объятиях. И уже при первой встрече [...] мы почувствовали себя настолько очарованными друг другом,

Qu'un ami véritable est une douce chose!
 Il cherche vos besoins au fond de votre coeur;
 Il vous épargne la pudeur
 De les lui découvrir vous-même.
 Un songe, un rien tout lui fait peur,
 Quand il s'agit de ce qu'il aime.

*Lafontaine*³⁵

ЛЮБОВЬ

«Amour, désir inné, âme de la nature, principe inépuisable d'existence, puissance souveraine qui peut tout, et contre la quelle rien ne peut, par qui tout agit, tout respire et tout se renouvelle, divine flamme, germe de perpétuité, que l'Éternel a répandu partout avec le souffle de vie, précieux sentiment qui peut seul amollir les coeurs féroces et glacés, en les pénétrant d'une douce chaleur, cause première de tout bien, de toute société, qui réunit sans contrainte et par ses seuls attraits les natures sauvages et dispersées; source unique et féconde de tout plaisir, de toute volupté... Amour! pourquoi fais-tu l'état heureux de tous les êtres et le malheur de l'homme?»

*Buffon*³⁶

настолько знакомыми, настолько связанными между собой, что никогда с той поры не было для нас ничего ближе, чем он мне, а я ему. (*Монтень М.* О дружбе. [Монтень 1979. Кн. 1-2. С. 176]. Пер. А.С. Бобовича).

³⁵

О что за клад — сердечный друг!
 Он в сердце вашем сам заботы открывает,
 И вашу скромность он щадит.
 Сон, мелочь всякая, пустяк его страшит,
 Когда о друге он мечтает.

Лафонтен

([Лафонтен 2000. С. 328], пер. П.Ф. Порфинова). Ср. в пер. М.Н. Муравьева (1780-е):

Во друге истинном какое наслажденье!
 Выводит нужды он из сердца твоего,
 Предупреждает униженья
 Открытья самого.
 Его смущает сновиденье,
 Безделки, ничего
 Когда касается любимого его.

(Муравьев М.Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 233).

³⁶ Любовь! Врожденный инстинкт! Душа природы! Неисчерпаемый источник существования! Высшее могущество, которое может все, которому никто не в силах противостоять, благодаря которому все движется, все дышит и все обновляется! Божественное пламя, источник вечного продолжения рода, который Творец своим

БЕДНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Quand je me suis mis à considérer les diverses agitations des hommes, les périls et les peines où ils s'exposent, à la cour, à la guerre, dans la poursuite de leurs prétentions ambitieuses, d'où naissent tant de querelles, de passions et d'entreprises funestes, j'ai souvent dit que tout le maleur des hommes vient de ne savoir pas se tenir en repos dans une chambre...

Mais quand j'y ai regardé de plus près, j'ai trouvé que cet éloignement, que les hommes ont du repos et de demeurer avec eux-mêmes, vient d'une cause bien effective, c'est-à-dire du malheur naturel de notre condition faible et mortelle, et si misérable, que rien ne nous peut consoler lorsque rien ne nous empêche d'y penser et que nous ne voyons que nous.

Qu'on choisisse telle condition qu'on voudra, et qu'on y assemble tous les biens et toutes les satisfactions qui semblent contenter un homme. Si celui qu'on aura mis en cet état est sans occupation et sans divertissement, et qu'on le laisse faire réflexion sur ce qu'il est, cette félicité languissante ne le soutiendra pas. Il tombera par nécessité dans des vues affligeantes de l'avenir : et si on ne l'occupe hors de lui, le voilà nécessairement malheureux.

La dignité royale n'est elle pas assez grande d'elle même pour rendre celui qui la possède heureux par la seule vue que de ce qu'il est? Qu'on en fasse l'épreuve, qu'on laisse un Roi tout seul, sans aucun soin dans l'esprit, penser à soi tout à loisir, et l'on verra qu'un Roi qui se voit est un homme plein de misères...

De là vient que les hommes aiment tout le bruit et le tumulte de monde, que la prison est un supplice si horrible et qu'il y a si peu de personnes qui soient capables de souffrir en solitude.

Les hommes ont un instinct secret que les porte à chercher le divertissement et l'occupation au dehors, qui vient du ressentimens de leur misère continuelle. Et ils ont un autre instinct secret qui reste de la grandeur de leur première nature, qui leur fait connoître que le bonheur n'est, en effet,

дыханием жизни распространил повсюду! Бесценное чувство, которое одно лишь может смягчать сердца кровожадные и холодные, пронизывая их сладостным жаром! Первопричина любого блага, любого общества, способная объединять без всякого принуждения и одними своими чарами даже натуры дикие и ожесточенные! Единственный и плодотворный источник всякого удовольствия, всякого наслаждения! Любовь! Почему ты составляешь счастье всех живых существ и приносишь несчастье одному лишь человеку? *Бюффон* (пер.: *Разумовская М.В.* Бюффон-писатель. Французские естествоиспытатели XVIII в. и литература. СПб., 1997. С. 74).

que dans le repos. Et de ces deux instincts contraires il se forme en eux un projet confus, qui se cache à leur vue dans le fond de leur âme, qui les porte à tendre au repos pas l'agitation, et à se figurer toujours que la satisfaction, qu'ils n'ont point, leur arrivera, si, en surmontant quelques difficultés qu'ils envisagent, ils peuvent s'ouvrir par-là la porte au repos.

*Pascal*³⁷

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Celui qui feint d'envisager la mort sans effroi, ment. Tout homme craint de mourir: c'est la vraie foi des êtres sensibles, sans laquelle toute espèce mortelle seroit bientôt détruite. Cette crainte est un simple mouvement de la nature, non seulement indifférent, mais bon en lui-même et conforme à l'ordre...³⁸

La vie peut-elle être jamais un mal? En considérant cette foule d'erreurs, de tourmens et de vices dont elle est remplie, on seroit bien plus

³⁷ Я неоднократно размышлял о том, сколько беспокойств, опасностей и невзгод навлекают на себя люди, живя при дворе или сражаясь на войне, о вечных расприх, неистовствах, дерзких, а порою и преступных замыслах и т.д., я пришел к выводу, что главная беда человека — в его неспособности к домоседству. .../ Но потом я глубже вник в эту бедственную людскую особенность, мне захотелось докопаться до причины, лежащей в ее основе, и такая причина. Действительно, нашлась, и очень серьезная; она коренится в изначальной бедственности нашего положения, в хрупкости, смертности и такой ничтожности человека, что стоит подумать об этом — и уже ничто не может нас утешить. / Из всех положений, обильных благами, доступными смертным, положение монарха, очевидно, наизавиднейшее. Он убогаторен во всех своих желаниях, но попробуйте лишить его развлечений, предоставить думам и размышлениям о том, что он такое, — и это бездеятельное счастье рухнет, он целиком погрузится в мысли об угрозах судьбы, о возможных мятежах, наконец, о смерти и неизбежных недугах. И окажется, что, лишенный развлечений, монарх несчастен, несчастнее, чем самый жалкий его подданный, который предается играм и другим развлечениям... / Вот почему люди так любят шум и движение, вот почему им так непереносимо тюремное заключение и так непонятны радости одиночества. / Безотчетное чувство толкает их в погоню за мирскими развлечениями и занятиями, и происходит это потому, что они непрерывно ощущают горечь своего бытия. А другое безотчетное чувство — наследие, доставшееся нам от нашей первоначальной, непорочной природы, — подсказывает, что счастье не в житейском водовороте, а в покое. Столкновение столь противоречивых чувств рождает в людях смутное, неосознанное желание искать бури во имя покоя, равно как и надежду, что, победив еще какие-то трудности, они обретут наконец вечно ускользающее счастье и продолжат путь к душевному умиротворению. *Паскаль* ([Паскаль 1974. С. 142]. Пер. Э. Линецкой).

³⁸ Тот, кто прикидывается способным смотреть без страха в лицо смерти, лжет. Человек боится смерти, и это великий закон для земных созданий, не будь его, быстро пришел бы конец всему смертному. Страх этот — простое движение души, подсказанное самой природой, не только безобидное, но по существу своему ведущее к добру и способствующее порядку... (*Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 1. Письмо LVII. От Юлии. [Руссо 1961. Т. 2. С. 121]. Пер. А.Д. Худаковой).

tenté de demander si jamais elle fut un bien. Le crime assiège sans cesse l'homme le plus vertueux: chaque instant qu'il vit, il est prêt à devenir la proie du méchant, ou méchant lui-même. Combattre et souffrir, voilà son sort dans ce monde: mal faire et souffrir, voilà celui du malhonnête homme. Dans tout le reste ils diffèrent entre eux, ils n'ont rien en commun que les misères de la vie...³⁹

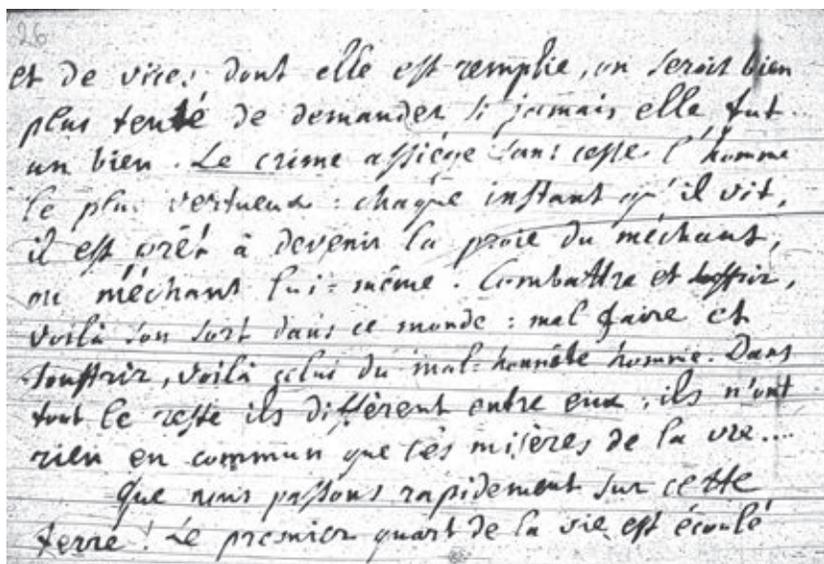
Que nous passons rapidement sur cette terre! Le premier quart de la vie est écoulé avant qu'on en reconnoisse l'usage; le dernier quart s'écoule encore après qu'on a cessé d'en jouir. D'abord nous ne savons point vivre: bientôt nous ne le pouvons plus; et dans l'intervalle qui sépare ces deux extrémités inutiles, les trois quarts du tems qui nous reste sont consumés par le sommeil, par le travail, par la douleur, par la contrainte, par les peines de toute espèce. La vie est courte, moins par le peu de tems qu'elle dure, que parce que de ce peu de tems nous n'en avons presque point nous la goûter⁴⁰.

Si nous étions immortels, nous serions des êtres très-misérables. Il est dur de mourir, sans doute: mais il est doux d'espérer qu'on ne vivra pas toujours, et qu'une meilleure vie finira les peines de celle-ci. Si l'on nous effroit l'immortalité sur la terre, qui est-ce qui voudrait accepter ce triste présent? Quelle ressource, quel espoir, quelle consolation nous resteroit-il contre les rigueurs du sort et contre les injustices des hommes?.. La nécessité de mourir n'est à l'homme sage qu'une raison pour supporter les peines de la vie. Si l'on n'était pas sûr de la perdre une fois, elle coûteroit trop à conserver...⁴¹

³⁹ Может ли жизнь быть злом? Когда раздумываешь о целом скопище заблуждений, мук и пороков, которыми она полнится, испытываешь гораздо больше искушение спросить: да бывала ли она когда-нибудь благом? Преступные силы беспрерывно осаждают и самого добродетельного человека, в каждое мгновение своей жизни он может стать жертвою зла. Бороться и терпеть — вот удел его в этой жизни — творить зло и терпеть — вот удел человека непорядочного. Во всем они чужды друг другу, и общее у них лишь одно — жизненные невзгоды... (Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 3. Письмо XXI. Письмо к милорду Эдуарду [Руссо 1961. Т. 2. С. 319]. Пер. А. Д. Худаховой).

⁴⁰ Как быстро мы проходим свое земное поприще! Первая четверть жизни протекла прежде, чем мы научились пользоваться жизнью; последняя четверть наступает уже после того, как мы перестали наслаждаться ею. Сначала мы не умеем жить, а вскоре затем — не в состоянии жить; в промежутке же, разделяющем эти два крайних периода, бесполезных для нас, три четверти времени уходит на сон, труд, горе, принуждение — на всякого рода страдания. Жизнь коротка не потому, что недолго продолжается, а потому, что из этого незначительного времени нам почти ничего не остается на наслаждение ею. (Руссо Ж.-Ж. Эмиль. Кн. IV. [Руссо 1981. С. 245]).

⁴¹ Если бы мы были бессмертны, то мы были бы самыми несчастными существами. Тяжело, конечно, умирать, но зато приятно надеяться, что не вечно

Vivre sans peine n'est pas un état d'homme; vivre ainsi, c'est être mort. On jouit — moins de ce qu'on a, que de ce qu'on désire. Celui qui pourrait tout sans être Dieu seroit une misérable créature, il seroit privé du plaisir de désirer: toute autre privation seroit plus supportable.

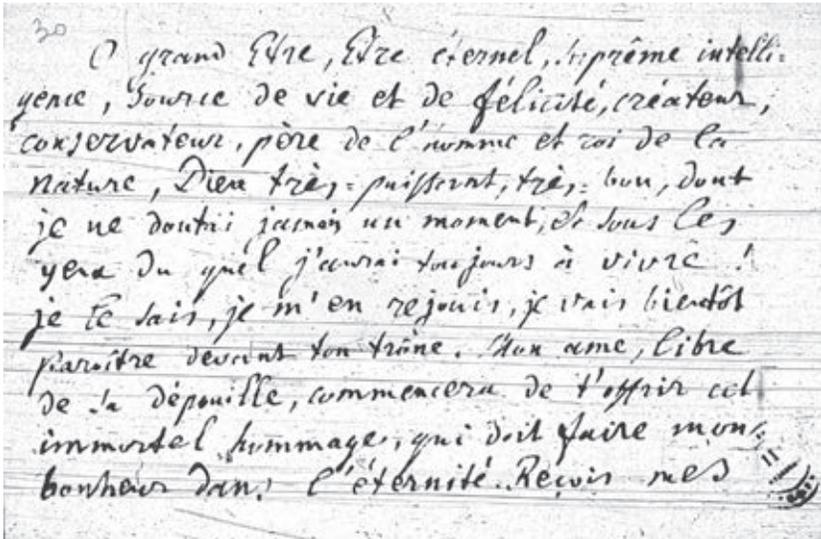
La préparation à la mort est une bonne vie, je n'en connois pas de meilleure. En remplissant les devoirs que Dieu impose, on se dispose à paroître devant lui sans crainte.

O grand Être, Être éternel, suprême intelligence, source de vie et de félicité, créateur, conservateur, père de l'homme et roi de la nature, Dieu tres-puissant, tres bon, dont je ne doutai jamais un moment, et sous les yeux duquel j'aurais toujours à vivre! Je le sais, je m'en réjouis, je vais bientôt paroître devrant ton trône. Mon âme, libre de la dépouille, commencera de t'offrir cet immortel hommage, qui doit faire mon bonheur dans l'éternité... Reçois mes adorations et le repentir de mes fautes. Plein

будешь жить и что скорби этой жизни закончатся лучшею жизнью. Если бы нам предложили бессмертие на земле, кто захотел бы принять этот печальный дар? Какое прибежище, какая надежда, какое утешение оставалось бы нам против жестокостей судьбы и несправедливости людей?.. Для человека мудрого необходимость умереть — это только довод в пользу того, чтобы переносить скорби. Если бы мы не были уверены, что некогда расстанемся с нею, то не стоило бы и сохранять ее... (Руссо Ж.-Ж. Эмиль. Кн. II. [Руссо 1981. С. 80]).

de confiance bez tes bontés, je vois approcher la mort sans effroi; qui s'en dort dans le sein d'un père, n'est pas en souci du rêveil.

J.J. R.⁴²

⁴² Жизнь без тягот не есть участь человека; жить так — значит быть мертвым. Мы менее наслаждаемся тем, что имеем, чем тем, чего бы мы желали. Тот, кто объемлет все, не будучи богом, был бы жалким созданием, он был бы лишен удовольствия желать: всякое другое лишение было бы менее тягостным (более переносимым). / Честно прожитая жизнь — вот приурочивание к смерти, иного приурочивания я себе и не мыслю. Когда я беседовала с вами, когда я сосредоточивалась мыслями в уединении, когда я старалась выполнить обязанности, возложенные на меня господом, — я уже тогда готовилась предстать перед ним, и я поклонялась ему, устремляя к нему все силы, дарованные мне небом.

Страдать и умереть — вот все, что мне еще остается, — это дело природы; но я всегда старалась жить так, чтобы мне не надо было бояться смерти, и ныне, когда она близится, я без страха смотрю ей в лицо. Кто засыпает в лоне отца своего, не боится пробуждения.

О Предвечный! Боже великий, верховный разум, источник жизни и радости, творец и вседержитель, отец человека и царь природы, боже всемогущий, всеблагий, ни на миг не усомнилась я в тебе и всегда хотела жить перед всевидящим твоим взором. Скоро я предстану перед престолом твоим и, зная это, радуюсь. Пройдет несколько дней, и душа моя, сбросив бременную свою оболочку, начнет более достойно возносить тебе бессмертную хвалу, которая будет блаженством моим на веки веков... / Прими мое обожание и раскаяние в моих ошибках, полное доверия к твоей доброте, и ныне, когда смерть близится, я без страха смотрю ей в лицо. Кто засыпает в лоне отца своего, не боится пробуждения. Ж.Ж. Руссо / (Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Ч. 6. Письмо XI. От г-на де Вольмара. [Руссо 1961. Т. 2. С. 634, 635]. Пер. Н.И. Немчиновой).

РАЗНЫЕ МЫСЛИ

L'univers est un cercle dont le centre est partout et la circonférence nulle part⁴³.

Peu de chose nous console, parce que peu de chose nous afflige⁴⁴.

Quand tout se remue également, rien ne se remue en apparence comme en un vaisseau. Quand tous vont vers le dérèglement, nul ne semble y aller. Qui s'arrête, fait remarquer l'emportement des autres comme un point fixe⁴⁵.

Le sentiment de la fausseté des plaisirs présents, et l'ignorance de la vanité des plaisirs absents, causent l'inconstance⁴⁶.

À mesure qu'on a plus d'esprit, on trouve qu'il y a plus d'hommes originaux⁴⁷.

Diseur de bons mots, mauvais caractère.

*Pascal*⁴⁸

L'étude a été pour moi le souverain remède contre les dégoûts de la vie, n'ayant jamais eu de chagrin qu'une heure de lecture n'ait dissipé⁴⁹.

Je m'éveille le matin avec une joie secrète de voir la lumière; je vois la lumière avec une espèce de ravissement, et tout le reste du jour je suis content. Je passe la nuit sans m'éveiller, et le soir, quand je vais au lit, une espèce d'engourdissement m'empêche de faire des réflexions.

⁴³ Вселенная это не имеющая границ сфера, центр ее всюду, периферия нигде [Паскаль 1974. С. 122].

⁴⁴ Нас утешает любой пустяк, потому что любой пустяк приводит нас в уныние (Там же. С. 140).

⁴⁵ Когда все предметы равномерно движутся в одну сторону, кажется, будто они неподвижны, например, когда находишься на корабле. Когда все идут по пути безнравственности, никто этого не видит. И только если кто-нибудь, остановившись, уподобляется неподвижной точке, мы замечаем бег остальных (Там же. С. 174).

⁴⁶ Человек чувствует, как тщетны доступные ему удовольствия, но не понимает, как суетны чаемые; в этом причина людского непостоянства (Там же. С. 136).

⁴⁷ Чем умнее человек, тем больше своеобычности он находит во всяком, с кем общается (Там же. С. 114).

⁴⁸ Хороший остров — пустой человек. *Паскаль* (Там же. С. 120).

⁴⁹ Занятия были всегда для меня лучшим лекарством против жизненных неудач; как бы ни были велики мои заботы, они рассеивались часами чтения ([Монтескье 1885. С. 114]. Пер. А. Воейковой).

J'ai cru trouver de l'esprit à des gens qui passaient pour n'en point avoir.

J'aime les maisons où je puis me tirer d'affaire avec mon esprit de tous les jours.

Quand je me fie à quelqu'un, je le fais sans réserve; mais je me fie à très peu de personnes⁵⁰.

Je suis amoureux de l'amitié⁵¹.

Quand je vois un homme de mérite, je ne le décompose jamais; un homme médiocre qui a quelques bonnes qualités, je le décompose⁵².

Ce qui m'a toujours beaucoup nui, c'est que j'ai toujours méprisé ceux que je n'estimois pas⁵³.

J'étais ami de presque tous les esprits et ennemi de presque tous les coeurs⁵⁴.

Deux chefs-d'oeuvres: la mort de César dans Plutarque et celle de Néron dans Suétone⁵⁵.

Pour juger les hommes, il faut leur passer les préjugés de leur tems⁵⁶.

Les maximes de la Rochefoucauld sont les proverbes des gens d'esprit⁵⁷.

⁵⁰ Утром я встаю с тонким удовольствием, что вижу свет, свет я встречаю с каким-то особенным восторгом и весь день я в хорошем расположении духа. Ночью я не просыпаюсь, а вечером, когда отправляюсь спать, мой отяжелевший мозг мешает мне предаваться размышлениям. / Мне не раз приходилось видеть ум у таких людей, которые славились недостатком его. / Я люблю дома, где я могу выходить из положения, полагаясь на свой практический ум. / Когда я доверяюсь кому-нибудь, — я доверяюсь ему вполне, но делаю это только в отношении немногих (Там же. С. 115, 116).

⁵¹ Я влюблен в дружбу (*Montesquieu*. *Pensées diverses*. [La Rochefoucauld — Montesquieu. P. 120]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

⁵² Когда я вижу выдающегося человека, я его никогда не анализирую; человека обыкновенного я всегда, наоборот, анализирую ([Монтескье 1885. С. 117], пер. А. Воейковой).

⁵³ Мне всегда вредило обстоятельство, что я всегда презирал тех, которых не мог уважать (Там же. С. 118).

⁵⁴ Я был другом почти всех умов и врагом почти всех сердец (Там же. С. 120).

⁵⁵ Два совершенные сочинения: смерть Цезаря у Плутарха и смерть Нерона у Светония (Там же. С. 122).

⁵⁶ Чтобы судить о людях, надо прощать им предрассудки их времени (Там же. С. 123).

⁵⁷ Максими Ларошфуко — это поговорки умных людей (Там же. С. 124).

Quel siècle que le nôtre, où il y a tant de critiques et de juges, et si peu de lecteurs!⁵⁸

Voltaire n'est pas beau: il n'est que joli⁵⁹.

Aimer à lire, c'est faire un échange des heures d'ennui que l'on doit avoir en sa vie contre des heures délicieuses⁶⁰.

Malheureuse condition des hommes: à peine l'esprit est-il parvenu à sa maturité, que le corps commence à s'affaiblir⁶¹.

Un homme qui écrit bien, n'écrit pas comme on écrit, mais comme il écrit; et c'est souvent en parlant mal qu'il parle bien⁶².

Voici comme je définis le talent: un don que Dieu nous a fait en secret, et que nous révélons sans le savoir⁶³.

L'attente est une chaîne qui lie tous nos plaisirs⁶⁴.

Il faut avoir beaucoup étudié pour savoir peu⁶⁵.

On auroit dû mettre l'oisiveté parmi les peines de l'enfer; il me semble au contraire qu'on l'a mise parmi les joies du Paradis⁶⁶.

Je vois des gens qui s'effarouchent des digressions: je crois que ceux qui savent en faire, sont comme les gens qui ont des grands bras: ils atteignent plus loin⁶⁷.

⁵⁸ В каком удивительном веке мы живем, где так много критиков и так мало читателей! (Там же).

⁵⁹ Вольтер не красив, он всего лишь привлекателен (*Montesquieu. Pensées diverses.* [La Rochefoucauld — Montesquieu. P. 127]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

⁶⁰ Любить читать — значит менять часы скуки, неизбежные в нашей жизни, на восхитительные часы (Там же. P. 133).

⁶¹ Несчастна участь людей: едва дух достигает своей зрелости, как тело начинает разрушаться (Там же).

⁶² Человек, который пишет хорошо, пишет не так, как все, но так, как пишет он: и часто, говоря плохо, он говорит хорошо (Там же).

⁶³ Вот как я определяю талант: это дар, который Бог дал нам втайне, и который мы обнаруживаем, не сознавая этого (Там же).

⁶⁴ Ожидание — это цепь, которая связывает все наши удовольствия (Там же. P. 134).

⁶⁵ Необходимо многое изучить, чтобы узнать немного (Там же. P. 134).

⁶⁶ Праздность следовало бы поместить среди мук ада: мне, напротив, кажется, что она обитает среди радостей рая (Там же. P. 135).

⁶⁷ Я знаю людей, которые пугаются отклонений: я же думаю, что те, кто это делают, подобны людям с длинными руками, они достигают большего (Там же. P. 137).

On ne sauroit croire jusqu'où a été dans ce siècle la décadence de l'admiration!⁶⁸

Quand, dans un royaume, il y a plus d'avantage à faire sa cour qu'à faire son devoir, tout est perdu⁶⁹.

Remarquez bien que la plupart des choses qui nous font plaisir, sont déraisonnables⁷⁰.

Montesquieu

Il y a de quoi bien et mal faire partout⁷¹.

Il se faut réserver, une arrière-boutique toute notre, toute franche en laquelle nous établissons notre vraie liberté⁷².

Nous avons une âme contournable en soi même; elle se peut faire compagnie⁷³.

La foule me repousse à moi⁷⁴.

Il est incertain où la mort nous attend: attendons la partout⁷⁵.

Pourquoi craindrions-nous de perdre une chose, laquelle perdue ne peut être regrettée?⁷⁶

Et puisque nous sommes menacés de tous de façons de mort, n'y a-t-il pas plus de mal à les craindre toutes qu'à en soutenir une?⁷⁷

⁶⁸ Трудно поверить, до какой степени обожание в нашем веке потеряло в цене (Там же. Р. 138).

⁶⁹ Когда в королевстве выгоднее прислуживаться, чем исполнять свой долг, все погибло (Там же. Р. 139).

⁷⁰ Заметьте, что большинство тех вещей, что доставляют нам удовольствие, неразумны (Там же).

⁷¹ Всюду есть то, из чего можно делать и добро и зло (*Монтень М.* Об уединении. [Монтень 1979. Кн. 1–2. С. 216]).

⁷² Нужно приберечь для себя какой-нибудь уголок, который был бы целиком наш, всегда к нашим услугам, где мы располагали бы полной свободой, где было бы главное наше прибежище, где мы могли бы уединиться (Там же. С. 219).

⁷³ Мы обладаем душой, способной общаться с собой; она в состоянии составить себе компанию (Там же).

⁷⁴ Толпа заставляет меня замыкаться в себе (Там же. Кн. 3. С. 37).

⁷⁵ Неизвестно, где поджидает нас смерть, так будем же ожидать ее повсюду (*Монтень М.* О том, что философствовать — это значит учиться умирать [Монтень 1979. Кн. 1–2. С. 82]).

⁷⁶ Стоит ли бояться потерять нечто такое, потеря чего уже не сможет вызвать в нас сожаления? (Там же. С. 86).

⁷⁷ Но и такое соображение: раз нам угрожают многие виды смерти, не тягостнее ли страшиться их всех, чем претерпеть какой-либо один? (Там же. С. 86–87).

Le dernier pas ne fait pas la lassitude: il la déclare; tous les jours vont à la mort: le dernier y arrive⁷⁸.

Soyons de notre esprit les seuls législateurs,
Vivons libres du moins dans le fond de nos cœurs:
C'est le trône de l'homme; il règne, quand il pense.

*Pompignan*⁷⁹

Le bonheur ne nous est guère sensible en cette vie que par la délivrance de mal.

«Heureux celui qui voit le jour!» dit un aveugle; mais un homme qui voit clair, ne le dit plus.

«Heureux celui qui est sain!» dit un malade; quand il est sain, il ne sent plus le bonheur de la santé⁸⁰.

Il y a dans le coeur de tous les hommes un petit royaume composé de leurs mouvemens intérieurs, et personne n'est si esclave qui n'ait en son pouvoir plusieurs actions extérieurs qui dépendent de ses mouvemens; car chacun est maître et roi de son estime, de sa confiance et de son affection; (...) aux uns nous donnons notre créance, (...) à d'autre notre tendresse, (...) notre familiarité. Si l'on veut bien savoir quel conseiller nous choisissons pour distribuer toutes les offres, il se trouvera que c'est l'amour-propre (...)

C'est une adresse de l'amour-propre, quand il est repris de quelque défaut, d'envisager à l'heure même, non la vertu qui tient le milieu entre les deux excès, mais le vice opposé (...) et de se défendre par-là⁸¹.

⁷⁸ Последний шаг не есть причина усталости, он лишь дает ее почувствовать. Все дни твоей жизни ведут тебя к смерти; последний только подводит к ней (Там же. С. 90).

⁷⁹ Будем единственными законодателями нашего разума,
Будем свободны хотя бы в глубине нашего сердца:

Это трон человека; пока он мыслит, он царствует.

Помпьян. (Послание к Дамону. [Pompignan 1822 P. 37]).

⁸⁰ Счастье в этой жизни особенно ощутимо, когда мы избавляемся от мук. / «Счастлив тот, кто видит день!», говорит слепой; но человек, который видит хорошо, не говорит этого. / «Счастлив тот, кто здоров!», говорит больной; когда же он здоров, он не чувствует более счастья быть здоровым! (Николь. Мысли. [Nicole 1832. P. 95]. Пер. Л.Ф. Семеновой).

⁸¹ В сердцах всех людей есть маленькое королевство, составленное из его внутренних побуждений, и никогда не попадет в рабство тот, чьи действия определяются этими побуждениями, т.к. каждый есть хозяин и король своего уважения, своего доверия и своей привязанности; некоторым мы дарим наше доверие, другим нежность, (...) привязанность. Если хочешь узнать, какого советчика выбрать, то выбирай самолюбие (...) / Самолюбие поможет превратить недостаток не в добродетель, находящуюся между двумя крайностями, но в порок, который поможет себя защитить (Там же. P. 94).

Ainsi, lorsqu'on fait remarquer aux personnes lentes, qu'elles écoulent une partie de leur vie dans l'inactivité: *Vous voudriez donc*, disent-elles, que nous *fussions des têtes de soufre et de salpêtre*; comme s'il n'y avait pas de milieu entre une lenteur paresseuse (...) et une l'activité précipité!

Nicole⁸²

Il y a dans le coeur humain une génération perpétuelle de passions, en sorte que la ruine de l'une est presque toujours l'établissement d'une autre⁸³.

La constance des Sages n'est que l'art de renfermer leur agitation dans le coeur⁸⁴.

La philosophie triomphe aisément des maux passés et des maux avenir; mais les maux présents triomphent d'elle⁸⁵.

Le mal que nous faisons ne nous attire pas tant de persécutions et de peine que nos bonnes qualités⁸⁶.

Le caprice de notre humeur est encore plus bizarre que celui de la fortune⁸⁷.

La sincérité est une ouverture de Coeur: on la trouve en fort peu de gens; et celle que l'on voit d'ordinaire c'est qu'une fine dissimulation pour attirer la confiance des autres⁸⁸.

⁸² Так, когда делают замечание ленивцам, что они проводят часть жизни в бездействии, они говорят: неужели вы хотели бы, чтобы мы воспламенялись как сера или селитра, как будто нет середины между ленивой медлительностью и суетливой активностью! (Там же. Р. 117–118).

⁸³ В человеческом сердце происходит непрерывная смена страстей, и угасание одной из них почти всегда означает торжество другой ([Ларошфуко 1974. С. 34. № 10]. Пер. Л.Э. Линецкой).

⁸⁴ Невозмутимость мудрецов — это всего лишь умение скрывать свои чувства в глубине сердца (Там же. С. 35. № 20).

⁸⁵ Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией (Там же. № 22).

⁸⁶ Зло, которое мы причиняем, навлекает на нас меньше ненависти и преследований, чем наши достоинства (Там же. С. 36. № 29).

⁸⁷ Наши прихоти куда причудливей прихотей судьбы (Там же. С. 38. № 45).

⁸⁸ Искренность — это чистосердечие. Мало кто обладает этим качеством, а то, что мы принимаем за него, чаще всего просто тонкое притворство, цель которого — добиться откровенности окружающих (Там же. С. 40. № 62).

C'est une preuve de peu d'amitié de ne s'apercevoir pas du refroidissement de celle de nos amis⁸⁹.

C'est être véritablement honnête homme que de vouloir être toujours exposé à la vue des honnêtes gens⁹⁰.

Qui vit sans folie n'est pas si sage qu'il le croit⁹¹.

En vieillissant on devient plus fou et plus sage⁹².

Nous plaisons plus souvent dans le commerce de la vie, par nos défauts que par nos bonnes qualités⁹³.

Dans toutes les professions chacun affecte une *mine* et un exteieur pour paroître ce qu'il veut qu'on le croit: ainsi on peut dire que le monde n'est composé que de *mines*⁹⁴.

C'est se tromper que de croire, qu'il n'y ait que les violentes passions comme l'ambition et l'amour, qui puissent triompher des autres. La paresse, toute lanquissante qu'elle est, ne laisse pas d'en être souvent la maîtresse, elle usurpe sur tous les desseins et sur toutes les actions de la vie; elle y détruit et y concume insensiblement les passions et les vertus⁹⁵.

Le mérite des hommes a sa saison aussi bien que les fruits⁹⁶.

⁸⁹ Не замечать охлаждения друзей — значит мало ценить их дружбу (Там же. С. 102. № 590).

⁹⁰ Кто стремится всегда жить на виду у благородных людей, тот поистине благородный человек (Там же. С. 56. № 206).

⁹¹ Кто никогда не совершал безумств, тот не так мудр, как ему кажется (Там же. С. 56. № 209).

⁹² К старости люди становятся безрассуднее и мудрее (Там же. № 210).

⁹³ В повседневной жизни наши недостатки кажутся порою более привлекательными, чем наши достоинства (Там же. С. 43. № 90).

⁹⁴ Каждый человек, кем бы он ни был, старается напустить на себя такой вид и надеть такую личину, чтобы его приняли за того, кем он хочет казаться; поэтому можно сказать, что общество состоит из одних только личин (Там же. С. 62. № 256).

⁹⁵ Ошибается тот, кто думает, будто лишь таким бурным страстям, как любовь и честолюбие удаётся подчинить себе прочие страсти. Самой сильной нередко оказывается бездеятельная леность: завладевая людскими помыслами и поступками, она незаметно подтачивает все их стремления и добродетели (Там же. С. 63–64. № 266).

⁹⁶ У людских достоинств, как и у плодов, есть своя пора (Там же. С. 66. № 291).

Ce qui nous empêche d'ordinaire de faire voir le fond de notre coeur à nos amis n'est pas tant la défiance que nous avons d'eux, que celle que nous avons de nous-mêmes⁹⁷.

Les personnes foibles ne peuvent être sincères⁹⁸.

Nos actions sont comme les bouts-rimés que chacun fait rapporter à ce qu'il lui plait⁹⁹.

On peut être plus fin qu'un autre, mais non pas plus fin que tous les autres¹⁰⁰.

Il y a une élévation qui ne dépend point de la fortune: c'est un certain air qui nous distingue et semble nous destiner aux grandes choses; s'est un prix qui nous nous donnons imperceptiblement à nous-mêmes; c'est par cette qualité que nous usurpons les déférences des autres hommes, et c'est celle d'ordinaire qui nous met plus au-dessus d'eux que les dignités et le mérite même¹⁰¹.

Nous arrivons tout nouveaux aux divers âges de la vie, et nous y manquons souvent d'expérience malgré le nombre des années¹⁰².

Le plus grand effort de l'amitié n'est pas de montrer nos défauts à un ami, c'est de lui faire voir les siens¹⁰³.

⁹⁷ Нашей полной откровенности с друзьями мешает обычно не столько недоверие к ним, сколько недоверие к самим себе (Там же. С. 69. № 315).

⁹⁸ Люди слабохарактерные не способны быть прямодушными (Там же. С. 69. № 316).

⁹⁹ Наши поступки подобны строчкам бури: каждый связывает их, с чем ему заблагорассудится (Там же. С. 76. № 382).

¹⁰⁰ Можно перехитрить кого-то одного, но нельзя перехитрить всех на свете (Там же. С. 77. № 394).

¹⁰¹ Людям иной раз присуща величавость, которая не зависит от благосклонности судьбы: она проявляется в манере держать себя, которая выделяет человека и словно пророчит ему блистательное будущее, а также в той оценке, которую он невольно себе дает. Именно это качество привлекает к ним уважение окружающих и возвышает над ними так, как не могли бы возвысить ни происхождение, ни сан, ни даже добродетели (Там же. С. 78. № 399).

¹⁰² Мы вступаем в различные возрасты нашей жизни, точно новорожденные, не имея за плечами никакого опыта, сколько бы нам ни было лет (Там же. С. 79. № 405).

¹⁰³ Величайший подвиг дружбы не в том, чтобы показать другу наши недостатки, а в том, чтобы открыть ему глаза на его собственные (Там же. № 410).

La confiance fournit plus à la conversation que l'esprit¹⁰⁴.

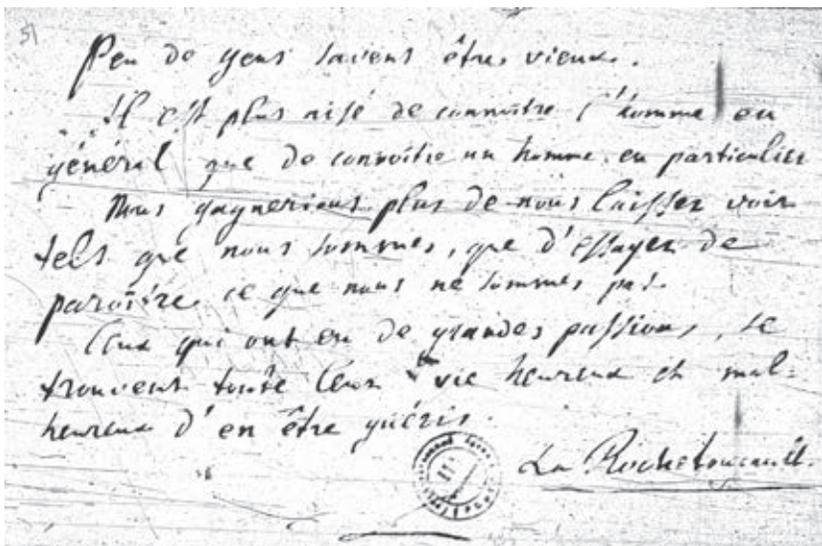
Peu de gens savent être vieux¹⁰⁵.

Il est plus aisé de connoître l'homme en général que de connoître un homme en particulier¹⁰⁶.

Nous gagnerions plus de nous laisser voir tels que nous sommes, que d'essayer de paroître ce que nous ne sommes pas¹⁰⁷.

Ceux qui ont eu de grandes passions, se trouvent toute leur vie heureux et malheureux d'en être guéris¹⁰⁸.

La Rochefoucauld

¹⁰⁴ Больше всего оживляет беседы не ум, а взаимное доверие (Там же. С. 80. № 421).

¹⁰⁵ Как мало на свете стариков, владеющих искусством быть стариками! (Там же. С. 81. № 423).

¹⁰⁶ Легче познать людей вообще, чем одного человека в частности (Там же. С. 82. № 436).

¹⁰⁷ Мы выиграли бы в глазах людей, если бы являлись им такими, какими мы всегда были и есть, а не прикидывались такими, какими никогда не были и не будем (Там же. С. 84. № 457).

¹⁰⁸ Те, кому довелось пережить большие страсти, потом всю жизнь и радуются своему исцелению, и горюют о нем (Там же. С. 87. № 485).

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Материно сердце в детях, а детское — в камне.
Материнские побои не больны.
Милой не злодей, а сушит до костей.
Мило, пока не простыло.
Милость и на суде хвалится.
Милует Бог, а жалует Царь.
Царев гнев посол смертной.
Царством владеть на Бога надежду иметь.
Милее всех, кто любит кого.
Мирская молва, морская волна.
Много желать, добра не видать.
Много разумных, а вдвое безумных.
Мокрой дождя не боится.
Молоденький умок, что вешний ледок.
Топит море, а крушит горе.
Муж жену любит здоровую, а брат сестру богатую.
Мысль за горами, а смерть за плечами.
Менять, не пенять.
На грех мастера нет.
Надсаженной конь, надломленный лук, замиренной друг не надежен.
Ум любит простор.
По платью встречают, по уму провожают.
На зачинающего Бог.
На милость образца нет.
Нам добро и никому зло, то законное житьё.
На небо крыл нет, а в землю путь близок.
На одном месте и камень мхом обрастает.
Написано пером, не вырубишь топором.
На резвом коне жениться не едут.
На сильного Бог да Государь.
На поклеп денег не наготовишься.
На хороший цветок и пчелка летит.
Не боюсь богатых гроз, боюсь убогих слез.
Не будь гостю запасен, а будь ему рад.
Не бывала ль на тебя беда? Не умирала ль жена?
Не велит Москаль, да Бог!
Не вскормя, ворога не увидишь.
Не верь времени, не печалься безделице.
Невеста родится, а жених на коня садится.

Не годы стареют, горе.
Не дать взаимы, остуда на время; а дать, ссора навеки.
Не держи сто рублей, держи сто друзей.
Незнакомая прямизна наведет на кривизну.
Неизведан, друг; а изведан, два.
Не избевай постылаго: возьмет Бог милого.
Без денег в город, сам себе ворог.
Без пастуха овцы не стадо.
Без притчи век не проживешь.
Береги денежку на черный день.
Береженаго и Бог бережет.
Близ Царя, близ смерти.
Голенький ох, а за ним Бог.
Богатство гниет, а нищета живет.
Богу молись, а сам не плошись.
Бог видит, да нам не скажет.
Бог высоко, а Царь далёко.
Бог даст день, Бог даст и пищу.
Бог не выдаст, свинья не съест.
Бог старой чудотворец.
Бояться себя заставишь, а любить не принудишь.
Брось хлеб назад, а будет наперед.
Меня любить, мою собаку не бить.
Будь приметлив, да не будь изветлив.
Было бы счастье, а дни впереди.
Беглому одна дорога, а погонщику сто.
Беда глупости сосед.
Глаза глядят, а руки делают.
Где больно, там рука, а где мило, там глаза.
Друга без беды не узнаешь.
Друга иметь, себя не жалеть.
Друг о друге, а Бог обо всех.
Друг познается на войне, да в беде.
Жена мужу пластырь, а он ей пастырь.
Женою доброю и муж честен.
Женския немочи догадки лечат.
Женский обычай беде слезами помогать.
Закрытую рану лечить трудно.
Злая совесть стоит палача.
И доброй временем плачет, а худой скачет.
К правому делу надобно быть смелу.

Кому время служит, тот ни о чем не тужит.
После рати храбрых много.
Посеянное взойдет.
Поезжай на обед, а слово повези на ответ.
При солнце тепло, а при матери сыну добро.
При старости бедность тяжка.
В старости не желай обогащенья, желай грехам прощенья.
Сытой помни голод, богатой не забывай убожества.
Приехала холя, привезла гребень.
Пьют для людей, едят для себя.
Пьяного речи, а трезваго мысли.
Разумной согрешит, многих глупых соблазнит.
Родимся на смерть, умрем на живот.
Рок головы ищет.
Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше.
Рыбам море, птицам воздух, а человеку отчизна вселенной круг.
Резвой сам натечет, а на тихого нанесет.
Самолуб всякому нелюб.
Рассуждай, а больше на Бога уповай.
Сам себя не хвали, ни хули.
Свадьба скорая, что вода поляя.
Свободной человек никого не боится.
Своя ноша не тянет.
Сиди у моря теплаго, жди погоды доброй.
Сильно милым не будешь.
Сказка складка, а песня быль.
Сколько голов, столько умов.
Свой ум царь в голове.
Сей совет на волю дан.

ЭПИЛОГ¹⁰⁹

Благодарю судьбу, что грамоте умею!
Писатель для других, а для тебя писец,
В изображенье букв совсем не образец,
Но криво ставя их, я не кривлю душою:
Достойное хвалы хвалю,
Достойное любви люблю:

¹⁰⁹ Автограф без заглавия: РГАЛИ. Ф. 248. Оп. 1. Ед.хр. 4. Л. 1. — Под заглавием «Стихи с поднесением выписок» опубли.: *Карамзин Н.М.* Неизд. соч. и переписка. Ч. 1. С. 188.

Тебя! И выбрав здесь без строгого разбора,
Что нравилось мне, согласен я без спора
Все на-двое делить: прекрасное твое,
А слабое мое!

Источники

- Боссюэ 1761–1762 — *Боссюэз Иаков Бенигн*. Разговор о всеобщей истории. Ч. 1–3. М., 1761–1762.
- Ларошфуко 1993 — *Ларошфуко Ф. де*. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры. М.: Худож. литература, 1974. (БВЛ)
- Лафонтен 2000 — *Лафонтен Ж.* Басни. М., 2000.
- Монтень 1979 — *Монтень М.* Опыты: В 3 кн. М.: Наука, 1979. («Лит. памятники»)
- Монтескье 1885 — *Монтескье*. Персидские письма. Ч. 2. СПб., 1885 (Библиока европейскиx писателей и мыслителей, издаваемая В.В. Чуйко).
- Паскаль 1974 — *Паскаль Б.* Мысли. М., 1974.
- Руссо 1961 — *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения: В 3 т. М., 1961.
- Руссо 1969 — *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. («Лит. памятники»)
- Руссо 1981 — *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения: В 2 т. М., 1981.
- Руссо 2013 — *Руссо Ж.-Ж.* Политические сочинения. СПб.: Росток, 2013.
- La Rochefoucauld — *Maximes de duc de La Rochefoucauld*. Pensées diverses de Montesquieu. Paris, s.a.
- Nicole 1832 — *Pensées de Nicole*. Paris. Libraire de Lecointe, 1832.
- Pompignan 1822 — *Oeuvres choisies de Le Franc de Pompignan*. Tome second. Paris, Ménard et Dessenné, Fils, 1822.
- Rousseau 1763 — *Rousseau J.J.* Lettre à Christophe De Beaumont. A Amsterdam, Chez Marc Michel Rey, MDCCLXIII.
- Rousseau 1822 — *Rousseau J.J.* Oeuvres de Rousseau. Correspondance. Tome II. Paris, 1822.
- Rousseau 1824 — *Rousseau J.J.* Oeuvres complètes. Correspondance. Tome IV. Paris, 1824.
- Rousseau 1839 — *Rousseau J.J.* Oeuvres complètes. Correspondance. Tome I. Paris, MDCCCXXXIX.

Литература

Вацуро В.Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750 — 1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г. Л.: Наука, 1979. С. 3–56.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 718 с. («Лит. памятники»).

Сапченко Л.А. Выписки из французских мыслителей в неопубликованном альбоме Н.М. Карамзина // *La Russie et l'Europe: autres et semblables, actes du colloque organisé par l'Université Paris-Sorbonne — Paris IV, 10–12 mai 2007*. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article116> (дата обращения: 02.03.2019).

Сапченко Л.А. «Мир совести и доверенности к Провидению» в альбомах Н.М. Карамзина» // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков*. Вып. 5. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. С. 72–83.

Сапченко Л.А. Н.М. Карамзин в русском общественном и литературном сознании середины и второй половины XIX века. Ульяновск: УлГПУ, 2013. 256 с.

References

Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 718 p. (In Russ.)

Sapchenko L.A. Vypiski iz frantsuzskikh myslitelei v neopublikovannom al'bome N.M. Karamzina [Citations from the French philosophers in an unpublished album by N.M. Karamzin]. *La Russie et l'Europe: autres et semblables, actes du colloque organisé par l'Université Paris-Sorbonne — Paris IV, 10–12 mai 2007*. Available at: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article116> (accessed: 02.03.2019). (In Russ.)

Sapchenko L.A. “Mir sovesti i doverennosti k Provideniiu” v al'bomakh N.M. Karamzina [“Conscience and Trust in Divine Providence” in N.M. Karamzin’s albums]. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XIX vekov. Vyp. 5* [Gospel texts in the Russian literature, XVIII–XIX centuries. Issue 5]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, pp. 72–83. (In Russ.)

Sapchenko L.A. *N.M. Karamzin v russkom obshchestvennom i literaturnom soznanii serediny i vtoroi poloviny XIX veka* [N.M. Karamzin in Russian social and literary thought in the middle and in the end of the XIXth century]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Pedagogical University Publ., 2013. 256 p. (In Russ.)

Vatsuro V.E. Literaturnye al'bomy v sobranii Pushkinskogo Doma (1750–1840-e gody) [Literary albums in Pushkin House collections, 1750s–1840s]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977 g.* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1977]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 3–56. (In Russ.)

“A Gift of True Love...” (N.M. Karamzin’s unpublished album)

© 2019, Lyubov Sapchenko

Abstract: The album published for the first time was compiled by N.M. Karamzin all by himself in 1821 as a present for the Empress’ birthday. Empress Elizaveta Alekseevna and Karamzin wrote letters to each other and maintained relations of affinity and harmony, sympathetic mutual understanding, good faith and trust. The album includes citations from various European writers and philosophers, and Russian proverbs.

The unpublished album is of great importance because it helps to better understand Karamzin’s worldview and attitudes in his last years. The citations has to deal with the ideas that Karamzin viewed as basic and cardinal for Russia and humankind in general: Divine Providence, God, Virtue, Friendship, Love. Texts compiled on the 52 broadsides contain ideas that the author of the album shared.

Henri Rousseau goes first followed by Montaigne, Bossuet, Pascal, Montesquieu, Buffon, La Fontaine, La Rochefoucauld, Pompidan, Nicole. Their sayings help understand Karamzin’s anthropological philosophy, trace the evolution of his worldview and compare it to his earlier periods. Love and amity, proverbial wisdom and the eternal truths become his highest values.

Keywords: N.M. Karamzin, literary album, moral-philosophical literature, Russian writers and imperial family, Empress Elizaveta Alekseevna, archived materials

Information about the author: Lyubov Sapchenko, Doctor Hab. in Philology, Professor, Ulianovsk State Pedagogical University, Ulianovsk, Russia.

E-mail: ssj-sla@mail.ru.

Citation: Sapchenko Lyubov. “A Gift of True Love...” (N.M. Karamzin’s unpublished album). *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 8–57. (In Russ.) DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-8-57